

Мария Чайка

16+

Школа

Мария Чайка

Школа

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чайка М.

Школа / М. Чайка — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Страна чудес и знаний или царство мертвой скуки? Доброжелательная помощь педагогов или ярлык «трудного ребенка, мешающего учиться нормальным ученикам»? Каково приходится в школе ученику, который ежедневно слышит о том, что по нему "плачет колония"? Как выжить в коллективе учителей молодому педагогу-энтузиасту? Что делать маме гиперактивного ребенка, доведенной до отчаяния школьными проблемами сына? Удастся ли главной героине повести - начинающему завучу - добиться того, чтобы школа стала местом безусловного принятия детей и доброжелательной поддержки родителей?

© Чайка М., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
1988-1998 год. «Школьные годы чудесные»	11
2008 -2015 год. Учительские будни	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пролог

–Мария Александровна! Сегодня Вы –дежурный завуч?

– А что случилось? –интересуюсь я, пытаюсь скрыть ироничную улыбку. Уж очень забавляет меня номинация «дежурный завуч». Словно я не в школе работаю, а в отделении скорой помощи.

На самом деле сия почетная должность (придуманная директором нашего учебного заведения) предполагает необходимость находиться на рабочем месте до последнего гостя (в смысле- ученика) . А так же обязанность отвечать перед законом (в смысле перед директором) за все, что в это время происходит в стенах школы.

–Там на втором этаже кто-то распылил перцовый баллончик!

Ну как всегда. Почему мое дежурство никогда не обходится без происшествий?

–Ясно. Выводите детей на улицу.

Поднимаюсь на второй этаж. . Из кабинетов, кашляя и растирая глаза выходят дети, следом за ними –разгневанные учителя.

–Кто это сделал?

–Потом разберемся. Выводите детей.

–Нет, ну кому это могло прийти в голову? И додуматься же до такого нужно было!

– Что за дети! Каждый день приходим на работу –как на войну!

– Ага, -соглашаюсь я, открывая окна в коридоре. – Наша служба и опасна, и трудна.

– Нет, ну а что? Сегодня они перцовые баллончики в школу приносят, а завтра что будет?

С огнестрельным оружием придут?

–Как говорила Скарлет О’Хара – «подумаем об этом завтра» . А сейчас – выходите на улицу, воздухом дышать.

Назавтра, разумеется, меня вызывает разъяренная директор:

–Что за ЧП произошло вчера ?

– Да ничего особенного. Подростки баловались, перцовый баллончик распылили в коридоре.

– Кто это сделал?!

–Честное слово –не я.

– Ты еще смеешься ! –взорвалась директор. –Ты вчера дежурным завучем была -для чего?

Для мебели?

Ну вот...начинается.

–Да что, собственно, произошло? –я примирительно обратилась к разгневанному начальнику – Ну дети...ну хулиганят. Никто, слава Богу, не пострадал.

– А надо, чтобы пострадали? И вообще...Ты представляешь, сколько теперь у школы будет неприятностей? Немедленно выяснить, кто это натворил. И завтра- ко мне в кабинет! С родителями! Не позднее восьми утра!

–Ирина Александровна, -я вздохнула. – Вам, как всегда, нужно найти виноватого? Хорошо, я виновата. Это ведь в мое дежурство произошло. Можете меня уволить

–Еще чего! Уволить... А работать за тебя кто будет? Так что иди –и выясняй.

Больше мне заняться нечем...Виновных искать- это мое нелюбимое занятие. И, на мой взгляд, самое бесполезное. Ну найдем мы сейчас хулигана, ну расскажем ему, что так нельзя делать- дальше что? Можно подумать, кто-то не знает, что в школе перцовыми баллончиками пользоваться нельзя. Начать угрожать, запугивать? Интересно знать, чем? Внутришкольный учет, служба по делам несовершеннолетних? Да ну. Смешно. И главное – бессмысленно.

Я с детьми обычно договариваться предпочитаю. По-человечески. Хотя многие, по привычке, считают, что завуч по воспитательной работе – это некий карательный орган. Например, Ирина Александровна, директор, именно так и считает. Найти, выяснить, наказать...

Ладно, сейчас подумаю. Перцовый баллончик распылили после шестого урока. Какие классы были в это время на втором этаже? Девятые и десятые классы остались на седьмой урок, у 8-«А» был классный час. А у 8-Б как раз закончились уроки...

– Ребята, признайтесь честно: чья была затея с баллончиком. Для первого раза – сильно бить не буду.

Тишина. Так они и признались.

– У вас совесть есть вообще? – подключилась классный руководитель, Юлия Владимировна. – Из-за вас пришлось вчера всю школу эвакуировать!. А если бы у кого –то была аллергия и начался астматический приступ? Вы представляете, чем бы это могло закончиться?

Стало еще тише.

– Мария Александровна, может, сумки у них осмотреть?

– Вы не имеете права! – послышались возмущенные голоса.

– Дома у себя будете права качать! А то права они все знают – а об обязанностях почему-то не помнят!

– Тихо, – вмешалась я. – Обыскивать мы никого не будем. Просто дело серьезное, сами понимаете. Служебное расследование, как-никак. Поэтому –помогайте. Без вас не справлюсь.

Честно говоря, ни на чье чистосердечное признание я не рассчитывала. И, беседуя с детьми, преследовала сугубо формальные цели. Завтра директор попросит отчитаться о проведенной работе, и я честно отчитаюсь: всех опросила, никто раскололся.

Каково же было мое удивление, когда на следующей перемене ко мне зашел ученик этого самого 8-Б класса. Игорь.

– Мария Александровна... Я хотел сказать... Ну, в общем... Это я распылил баллончик.

– Круто! – я с удивлением уставилась на ученика. Мальчик, которую обычно не видно и не слышно. Лично его бы стала в последнюю очередь подозревать в провокации вчерашнего беспорядка.

– И как это тебе удалось?

– Ну... мы просто играли... Я же не знал, что так будет...

Любимое детско –ученическое. На все случаи жизни – «мы просто играли».

– Игорь, ну что ты как маленький! – строго сказала я. Что значит –просто играли?

– Ну просто бесились с мальчиками на перемене... Я же не знал, что перцовый баллончик так работает.

– А зачем ты вообще его в школу принес?

– А я его всегда ношу. Для самозащиты. Мало ли, вдруг кто пристанет на улице.

– Хм... ты бы лучше спортом занялся. Для самозащиты.

И тут же пожалела о сказанном. Игорь, отличник, победитель школьных олимпиад, участник школьной художественной самодеятельности – был в классе самым маленьким и слабым. Его попытки «заняться спортом» всегда оборачивались полным провалом. Помнится, в пятом классе его задирали одноклассники (с подачи классного руководителя, которая утверждала «он сам виноват- не умеет постоять за себя»). И мне пришлось потратить несколько месяцев работы, объясняя детям и учителю то, что все имеют право быть разными, и у каждого есть свои сильные стороны. В итоге в классе к Игорю стали относиться с уважением и добродушием.

– Тебя кто-то обижает в классе? –осторожно поинтересовалась я.

– Нет, в классе я со всеми пацанами дружу. А баллончик – это на всякий случай, если пристанет кто из чужих.

– Все понятно, кивнула я. –На ошибках учимся. Теперь ты наверняка знаешь, как работает перцовый баллончик?

– Да, теперь знаю. И в школу его носить больше не буду.

– Правильно. И на твоём месте я бы извинилась перед теми учителями, которым вчера срочно пришлось эвакуировать детей. За нанесённый моральный ущерб, так сказать.

– Конечно. Я обязательно извинюсь.

Для себя я решила, что в этом месте можно поставить точку. Ребенок понял свою ошибку. А на ошибках – учатся. О чем еще говорить? Но – увы- вспомнила, что, кроме меня, в школе есть еще и директор. Которая жаждала крови виновника безобразия.

– Завтра Ирина Александровна хочет тебя видеть. Вместе с родителями. Если что- не бойся. Я с тобой.

– А я и не боюсь...

На следующее утро бы собрались в кабинете у директора: я, классный руководитель Юлия Владимировна и Игорь с родителями. Когда мама и папа находят возможность прийти в школу вместе – это уже хорошо, подумала я. Тем более, по выражению лица родителей, было видно, что они пришли в качестве группы поддержки ребенка – а не наоборот. Игорь тоже не выглядел особо испуганным. Что ж, замечательно... Теперь главное – отбить атаку классного руководителя и директора.

– Вы представляете вообще, чем это могло закончиться? – пафосно начала Ирина Александровна. – А если бы кто-то из детей пострадал? А если бы у кого-то начался аллергический шок? Это же уголовная ответственность! Тебе четырнадцать лет уже исполнилось?

«Ну сейчас начнется» – подумала я и решила сменить тему.

– Игорь, ты расскажи, для чего ты баллончик в школу носишь. И зачем тебе его на перемене распылять понадобилось.

– Ношу с собой на всякий случай, – спокойно объяснил Игорь. – А распылил на перемене... потому что мы баловались с мальчишкам. Я просто раньше никогда не пользовался баллончиком – поэтому не знал..

– Ага, – весело подмигнула я. – Ты думал, что он действует, как обычный дезодорант. Или – как освежитель воздуха в туалете?

Игорь виновато кивнул, и я, не выдержав, рассмеялась. Какие все-таки забавные – эти дети. Ну, делают глупости – так не со зла ведь. А по обычному детскому недомыслию.

Однако директор, похоже, была другого мнения.

– Мария Александровна, – строго сказала она. – Разве здесь происходит что-то смешное?

– Да нет... не смешно... представляете: всего-то и хотел немного пошалить, а тут – такой фурор, хоть телевидение вызывай, – я снова начала смеяться. Кажется, родители Игоря начали улыбаться вслед за мной. Что тут же вызвала взрыв негодования у классного руководителя, Юлии Владимировны.

– Вы еще улыбаетесь! – обрушилась она на родителей. – Это вы виноваты! Вы это допустили! Вы недосмотрели!

Начинается. Любимая школьная игра. – «горячая картошка». Кто виноват. Ладно, хотите играть – я подключусь.

– А может, это Вы виноваты, Юлия Владимировна?

– Яааа?! – завопила коллега.

– Ну да, Вы. Родители Вам доверили ребенка, а ребенок, находясь под Вашей ответственностью, баллончик распылил. Как же так, а?

– Мария Александровна! – возмутилась директор.

– Ладно, хорошо. Я же вчера сказала: это произошло в мое дежурство. Так что я виноват, гражданин начальник, накажите меня.

– Да какая разница, кто виноват?! Речь вообще не об этом!

Ну вот. Так бы сразу.

– Ну, ладно. Разобрались, -удовлетворенно сказала Ирина Александровна. –Вы, пожалуйста, поговорите с сыном , чтобы такого больше не повторялось, -обратилась она к родителям.

–Обязательно поговорим, -кивнули родители.

Да-да! -оживилась Юлия Владимировна. –Непременно поговорите! Обещаете, что поговорите?

Ох уж это «поговорите!» Помню, в те времена, когда мой собственный ребенок учился в школе, коллеги иной раз меня доводили до зубовного скрежета . @Ну ты с ним поговори!, Ну ты с ним хорошо поговори!». «Ну ты ему объясни!». «Ну ты ему доходчиво объясни!» «Нет, ну мы же не предлагаем тебе лупить его!»... Ну да, как же...А я не подстрекатель, а вы не подеретесь..

–И о чем вы предлагаете поговорить ? –язвительно уточнила я. –В сотый раз объяснить, чем перцовый баллончик отличается от туалетного спрея? Игорь, ты хорошо запомнил, чем отличается?

–Запомнил, -засмеялся Игорь.

– Вот и отлично. Тема для разговоров исчерпана. Всем спасибо, все свободны. Хорошего дня.

–Мария Александровна! –возмутилась директор, когда Игорь с родителями покинули кабинет. –Ну кто так работает с родителями? В конце-концов, где Ваш журнал профилактических бесед? Родители должны быть поставили подпись о том, что обязуются взять ребенка на контроль!

– Какой журнал? Какие профилактические беседы? Какая еще подпись? Мы в прокуратуре работаем, что ли? Или в следственном комитете?

– Я Вам сколько раз говорила: существует стандартная школьная документация! –взорвалась Ирина Александровна.

–В топку вашу документацию, – равнодушно ответила я. – Сейчас 2020 –й год. Не 1937-й.

– Ирина Александровна, ну и как с ней работать? – пожаловалась Юлия Владимировна. – Ну никакого порядка, понимаете! И каждый раз так! . Я тут серьезно с родителями разговариваю, а она смеется. А еще завуч по воспитательной работе!

– Да уж, завуч...саму тебя еще воспитывать надо! – вздохнула Ирина Александровна.

Судя по тому, что директор перешла на «ты», я поняла, что гроза миновала.

– Ирина Александровна, я ведь Вас предупреждала, -злорадно заметила я, мне в школе нельзя работать. Я в прошлом хулиганкой –двоечницей была, детей плохому учила. . А уж завучем по воспитательной работе меня назначить– это вообще анекдот. Как Вы до такого могли додуматься?

–Вот не перестаю тебе удивляться! –вздохнула директор. – В кого ты такая? Мама твоя всю жизнь тут работает, и во всем у нее порядок образцовый. Слышала бы она твое « в топку документацию»...

–Что ж , Ирина Александровна. –я иронично улыбнулась. – На моем примере Вы имеете возможность убедиться, что любовь к образцовому порядку с молоком матери не передается. Советую Вам вспоминать об этом каждый раз, когда упрекаете родителей в том, что это они детей «не приучили», « не научили», «допустили», «упустили»... .

Так сложилось, что я работаю в школе, в которой моя мама является завучем по учебному сектору. . При этом, если мама представляет собой образец «добропорядочного учителя советской школы», строгого, но справедливого, то у меня, как говорит Ирина Александровна « не работа, а сплошной ералаш». Однако на мои периодические просьбы об увольнении она грозно отвечает: «Ишь чего захотела! А работать кто будет?!»

– Фуух, -Ирина Александровна схватилась за голову. – Как тяжело с тобой все-таки. Откуда ты только взялась на мою голову? Это все Марина Сергеевна...убедила меня, что лучшего завуча по воспитательной работе, чем ты, мы не найдем.

– А, ну значит – так Вам и надо, –засмеялась я. – На самом деле Марина Сергеевна до сих пор мне мстит за свои нервные клетки, потерянные в годы бытности моей «классной мамкой».

Сотрудничество с Мариной Сергеевной, моим бывшим классным руководителем – случай и вовсе анекдотичный. Не смотря на то, что в школьные годы я постоянно доводила свою «классную мамку» до белого каления хулиганскими выходками, подбивая одноклассников на прогулы школы, срывы уроков и прочие коллективные безобразия – она почему-то видела во мне задатки будущего педагога. И, когда я после окончания института находилась в поисках работы, буквально за шкирку притащила меня в кабинет Ирины Александровны (с которой была в дружеских отношениях) и объявила: « Предлагайте ей любые деньги, и главное, не показывайте конкурентам: оторвут с руками и ногами!»

Я, конечно, сочла своим долгом предупредить директора о своем школьном хулиганском прошлом и о способности научить детей плохому. Но, поскольку в этой же самой школе работала моя мама, которая, будучи завучем, считалась грозой всех учащихся с первого по последний класс – Ирина Александровна моему чистосердечному признанию не поверила. А зря. Детей, конечно, я плохому не учу (во всяком случае, как мне кажется) – но в формат стандартного учителя категорически не вписываюсь. Зато на все претензии директора могу совершенно обоснованно ответить «бачили очи, що купували».Ирина Александровна , конечно, не устает удивляться и иной раз в сердцах грозит меня «уволить к такой-то матери» -но в целом, относится ко мне с уважением. Что само по себе удивительно. Как правило, школьное руководство редко соглашается терпеть таких , как я, вольнодумцев.

На большой перемене моя «классная мамка» Марина Сергеевна, как всегда, зашла ко мне в кабинет, на «перекур».

–Утро доброе. Как всегда, по двойному эспрессо?

– Окунева, ты в своем репертуаре! –воскликнула Марина Сергеевна в своей традиционно-экзальтированной манере. – Ирина Александровна опять после разговора с тобой вальерьянку пьет!

– . Не опять, а снова. Сами знаете, у меня с детства призвание – администрацию школы в панику вгонять. И вообще, сколько можно Вам повторять: я уже почти двадцать лет – не Окунева, а Осадчая!

–Это ты кому другому будешь рассказывать! А для меня ты Окуневой останешься, даже если еще десять раз фамилию сменишь!

—Марина Сергеевна, ну честное слово.! –засмеялась я. Когда Вы произносите мою школьную фамилию с такой интонацией – я каждый раз ожидаю, что следующей фразой будет: «Придешь завтра в школу с мамой!».

– Так ты же со школьных лет вообще не поменялась! Все такая же хулиганка –двоечница! Ирина Александровна говорила, ты ей сегодня школьную документацию предлагала в топку отправить.

–Ага. Предлагала, -я перестала улыбаться.

– Марина Сергеевна, -обратилась я к коллеге.– Вы же мудрый человек и опытный педагог. Объясните –вот почему у нас каждый раз так происходит? Ребенок, по детской неопытности , делает ошибку. Мы, взрослые, и те ошибаемся. Почему, вместо того, чтобы дать ребенку учиться на ошибках, его нужно непременно размазывать по стенке?

– Это ты про мальчика с перцовым баллончиком? Ничего себе -«на ошибках учатся». Они ошибаются – а нам разгребать потом?

– Ну да, разгребать – нам. На то мы и взрослые. И для этого мы работаем в школе. А просто не знал, как действует этот самый баллончик. Теперь знает. Вряд ли ему самому понра-

вился этот эксперимент. И, скажите, пожалуйста для чего. нужно было в красках рассказать , как ужасно он поступил, начать пугать детской комнатой, уголовной ответственностью и прочей ерундой? Попутно обвинить родителей в том, что они «упустили» ребенка, потребовать с ребенком «доходчиво поговорить»? А еще жалуются, что дети «неуправляемые»: хамят, огрызаются, учителей не уважают. Так учителя сами детей ни во что не ставят .Зато потом удивляются, когда дети им той же монетой платят.

– Ты снова со своим лозунгами! – Марина Сергеевна , засмеявшись, хлопнула меня по плечу. – Вечный революционер, борющийся за права детей. Самой не надоело еще? Вроде не первый день в школе работаешь .могла бы привыкнуть уже.

– Да нет, не первый. И сама я школу закончила –когда? –двадцать лет назад, вроде. И ничего с тех пор не поменялось.

–Ты –так точно не поменялась . Двадцать лет прошло – а все митингуешь. В седьмом классе, помнится, ты возмущалась, когда однокласснику несправедливо двойку поставили. А в восьмом – чуть ли не разнесла кабинет учителя, в чьем классе травили девочку. Окунева, когда ты уже повзрослеешь?

– Я так и думала, – подмигнула я. – Сейчас мы за чашкой кофе снова начнем вспоминать мои «школьные годы чудесные».

1988-1998 год. «Школьные годы чудесные»

В школе я считалась «трудным ребенком».

Марина Сергеевна, мой бывший классный руководитель, любит теперь повторять : «Ты просто головокружительную карьеру сделала: из хулиганки –двоечницы –в завуча по воспитательной работе!» И в самом деле забавно получилось. Хотя я, окончив школу, была уверена, что «в эту тюрьму больше ни ногой, даже детей своих туда не стану отдавать». Но, как говорится, жизнь любит сюрпризы.

Когда я пришла учиться «первый раз в первый класс», то первой моей эмоцией было – удивление и разочарование. Я к тому моменту уже «Тома Сойера и Гекльберри Финна» дочитывала – а тут только буквы начинали учить. Я умела складывать и вычитать в уме трехзначные числа –а учитель объясняла детям, сколько будет « 2 +2». Поэтому на второй или на третий день учебы я заявила: « Я это все и так знаю –можно, мне домой пойти?»

С учительницей начальных школы мне повезло: не удивившись и не возмущившись моей наглой бравадой, она выдала мне контрольную работу для третьего класса, предупредив : «Не справишься –поставлю единицу. А будешь шуметь и других отвлекать – вызову родителей. Молодец, что так много знаешь –но другим детям мешать не нужно».

Поэтому первые три класса школы мне удалось пережить с минимальными потерями. Хотя порой приходилось тяжело. До сих пор помню, какой пыткой для меня было высидеть 45 минут урока –молча и без движения. Однако моей первой учительнице удавалось с этим справиться. Если она меня ругала – то по делу. И двойки за поведение ставила только тогда, когда поведение было совсем уж ни в какие ворота. А в целом, относилась ко мне с уважением и симпатией и всегда находила , за что похвалить.

Ну и я, соответственно, старалась вести себя хорошо – не хотелось подводить любимого учителя. Хотя «хорошее поведение» в школе мне всегда давалось ценой немалых усилий.

Но начальная школа вскоре подошла к концу. И перейдя в пятый класс, я имела возможность испытать настоящий культурный шок.

Так, например, дома родители на меня никогда не орали. Не оскорбляли и не унижали. Строго спрашивали за учебу и поведение, и наказать могли за дело – но при этом очень любили и ценили.

Поэтому была крайне удивлена, когда в первый же день учебы в пятом классе услышала нечто вроде « закрой рот, дура бессовестная» . Пришла домой и поинтересовалась у мамы, имеет ли право учитель так разговаривать с детьми.

–Вообще- то не имеет, – серьезно ответила мама. – Но, если называть вещи своими именами, ты ведь тоже не имеешь права так себя вести в школе.

– И поэтому на меня можно кричать, и можно оскорблять?

–Маша, я все понимаю. Но постарайся не делать глупостей и вести себя нормально.

«Вести себя нормально»...Легко сказать. Сидеть, не шевелясь, на скучном уроке, когда учитель рассказывает то, что я давно и так знаю? Я бы, наверное, и сейчас не смогла повторить такой подвиг. К счастью, сейчас и не нужно. Навык «тихо сидеть, поднимая руку перпендикулярно парте» мне во взрослой жизни ни разу не понадобился.

Справедливости ради, нужно отметить, что некоторые учителя реагировали на мои выходки, по возможности, адекватно. Реакцию «положи дневник на стол», «выйди из класса» или «придешь завтра в школу с мамой» я считала вполне адекватной. Сама понимала, что вести себя на уроках так, как вела себя тогда я – ну это просто ни в какие ворота.

Но чаще встречалось другое.

– Колония по тебе плачет!

–Тебя же на учет в детскую комнату надо!

–И куда вообще смотрят твои родители?

–А вот это уже не Ваше дело, куда они смотрят! –огрызнулась я в ответ на последний вопрос. Потому что очень любила и уважала своих родителей. И в обиду их давать не собиралась.

Учительница, естественно, в слезах убежала в учительскую –размахивать валокордином и рассказывать, что таким детям, как я, не место в порядочной школе.

–Ты в своем уме? –ругала меня мама вечером.– Кто тебе дал право так со взрослыми разговаривать?

–А зачем она лезет не в свое дело?

–Что???

–Ну, говорит, что вы меня плохо воспитываете. Это же неправда!

Если минуту назад мама еще раздумывала, стоит ли меня отлупить за такое дерзкое поведение или все же не стоит, то факт, что я защищала собственных родителей, разрешил ее сомнения в мою пользу.

–Вести себя в школе нужно нормально., –строго заметила она. – Раз уж не хочешь, чтобы о родителях плохо думали.

– Мамочка, я стараюсь. Просто у меня не всегда это получается.

– Я знаю, – мама смягчилась и погладила меня по голове.– Продолжай стараться, и глупостей больше не делай.

Пытаюсь вспомнить: были ли уроки, на которые я ходила с удовольствием. Кажется, были. Например, английский язык. Правда, я и там сильно опережала программу. К тому времени, как мои одноклассники начали учить английский алфавит, я уже читала адаптированную версию оригинала «Алисы в стране чудес».

– Откуда ты так хорошо язык знаешь? –удивилась учительница. – За границей, что ли жила?

– Нет. У меня мама –учитель английского, и дома книжек много. Вот и занимаюсь, в свое удовольствие.

– Замечательно, но ты теперь будешь на наших уроках делать? В пятом классе мы должны читать учиться, и с основной лексикой знакомиться!

–А мне учительница в начальных классах всегда отдельные задания давала, более сложные. И говорила, что если я не справлюсь, поставит единицу. Может, и Вы так будете делать? –предложила я.

– Ладно, что-нибудь придумаем. Вот учебник для подготовки к олимпиадам –выполний задания оттуда. Только на уроках не шуми, и других детей не отвлекай.

Похожая ситуация была на уроке литературы. Хрестоматию, выданную нам в конце августа, я прочитала за один день. В итоге учительница начала мне задавать писать сочинения к произведениям за седьмой класс.

Признаюсь, это льстило моему самолюбию. И –что немаловажно –времени на баловство на уроках почти не оставалось.

На остальных уроках мне было невыносимо скучно.

Так, например, на географии я научилась буквально засыпать с открытыми глазами, под монотонный голос учительницы. Правда, долго так спать не получалось: поэтому большую часть урока я проводила в разговорах с соседом по парте или теми, кто сидел сзади меня. Сам предмет казался мне интересным- но то, что мы проходили, я знала уже в первом классе. А учебник за пятый класс к началу сентября был прочитанным от начала до конца. К счастью, учительница (кажется, ее звали Нина Георгиевна) была хоть и скучной, но добродушной – и особых конфликтов с ней у меня возникало. Самым худшим, что я от нее могла услышать, было « ну как же тебе не стыдно» -или « ну когда ты научишься вести себя нормально?»

Но самым запоминающимся в пятом классе были уроки истории.

Дело в том, что сам предмет мне был очень интересен. Настолько интересен, что учебник по истории я проглотила в конце августа, сразу же, как только взяла его в руки.

Однако мне показалось, что в школьном учебнике информации как-то маловато. Решила почитать еще и детскую энциклопедию. Потом добралась до большой всемирной...

Словом, когда Ирина Петровна, наша учительница истории, вызвала меня к доске, я естественно, не помнила, из какого именно источника почерпнула знания по теме, которую спрашивали. Но наивно думала, что история – она и есть история. Ошибалась

–Что за бред ты несешь???

–Почему –бред?

–Откуда ты это взяла вообще?

–Не помню, – честно ответила я.

–Дебилка, -удовлетворенно кивнула учительница. –Садись, два. Учебник дома читать нужно.

Ладно, два так два. Учебник так учебник. На следующем уроке я рассказала заданный параграф практически слово в слово. И Ирина Петровна, которая, очевидно, не держала в руках никаких книг, кроме этого самого учебника, осталась вполне довольной.

Но, честно говоря, на уроки этого учителя мне ходить расхотелось. Тем более, уроки выглядели следующим образом.

–Открыли страницу пятнадцать. Первый ряд, читаем по цепочке.

Вы издеваетесь, что ли? Слушать монотонное чтение одноклассников в течение урока, когда я этот учебник уже давно наизусть выучила?

Естественно, «тихонько сидеть и следить за строчкой» мне не удавалось. Поэтому, боюсь даже вспомнить, какими только эпитетами не награждала меня Ирина Петровна. Самым безобидным было: «тебя нужно отдать в интернат для недоразвитых». И, естественно, после каждого урока истории в моем дневнике было зафиксировано гневное обращение к родителям с требованием принять срочные меры.

Маме я рассказывала честно, все как было.

–Ты вот меня ругаешь за замечания в дневнике или за то, что я с учителями грубо разговариваю – но не могу я по-другому вести себя на ее уроках!

–Дорогая, я все понимаю. Но, к сожалению, учителя не всегда бывают такими, как нам хочется. Поэтому –очень тебя прошу –постарайся не делать глупостей.

Тогда я решила, что ходить на уроки Ирины Петровны –напрасная трата времени. Зачем? Чтобы услышать, как класс монотонно, по цепочке, читает учебник? Или чтобы в очередной раз узнать, что я «дебилка, тупая, недоразвитая, скотина бессовестная» и все в таком духе?

В классе я всегда пользовалась репутацией безусловного лидера. И большая часть одноклассников всегда повторяли следом за мной все шалости. Особенно мальчишки. Теперь-то я понимаю почему. На самом деле, им самим хотелось пошалить, но смелости не всегда хватало. А раз девчонке можно –то почему им нельзя?

Правда, когда наступал час расплаты, мальчишки, размазывая по лицу слезы, обычно говорили: «Мы не виноваты! Это все Машка нас научила!»

Так или иначе, одноклассники мои решили :если я не хожу на уроки Ирины Петровны, то и им можно.

В итоге больше половины нашего класса перестали посещать уроки истории.

Виданое ли дело, чтобы пятиклассники массово, в открытую, прогуливали уроки? Лично я за двенадцать лет работы в школе не сталкивалась с таким ни разу.

Но тогда мне это казалось настолько логичным, что даже прятаться от классного руководителя и администрации в голову не приходило. Прогуливали нагло, прямо у них на глазах.

–5-В, вы почему не на уроке?

–Потому что мы не хотим идти на историю, -ответила я за всех.

– Что значит –не хотите?

–Не хотим –значит не хотим. И не пойдем.

–К директору!!!

Ладно. К директору, так к директору.

Директор наш до этого момента был со мной не знаком. Хотя наверное, правильнее сказать, я была с ним еще не знакома. Все-таки я была ученицей, а он директором.. Впрочем, неважно.

Это был первый мой «привод» в кабинет директора , и как следовало, отнюдь не последний.

Классный руководитель и завуч думали, что я испугаюсь. А лично я считала, что бояться мне нечего, потому что ничего плохого я не сделала. И вообще, директор – такой же человек, как и все остальные.

Директор, окинув меня беглым взглядом (на вид мне вполне можно было дать пятый класс, а младше) и вздохнул. Вероятно, подумал, что учителя совсем работать разучились – с такой малявкой справиться не могут.

–Что тут у вас случилось? – небрежно поинтересовался он.

–Ну, помните, я Вам рассказывала! Окунева Маша, 5-В класс, из-за нее скоро все учителя уволятся! –патетически воскликнула завуч, Ольга Борисовна.

–Из –за кого –увольются? Из –за нее? –директор беззаботно рассмеялся. Он явно не оценил масштабы бедствия.

–Иди, девочка, на уроки. И больше не прогуливай.

–Я же сказала, не пойду.

Бровь директора удивленно поднялась вверх.

–Почему это, интересно знать ?

–Потому что учительница – дура.

–Вот! Вы слышали! Я же говорила! Я сколько раз вам говорила, что мы не должны учить таких детей у себя! По ней же спецшкола плачет!

–Не кричите, – я спокойно уселась напротив директорского стола и небрежно закинула ногу за ногу.

Не потому, что я была очень смелой. Наоборот. Мне на самом деле всегда становилось не по себе, когда учителя со мной так разговаривали. И в ответ на «спецшкола плачет» я запросто могла ответить завучу что-нибудь , что сильно бы ей не понравилась. И сдерживало меня только то, что мама просила «не делать глупостей».

–Встань, когда с тобой разговаривают! Тебе вообще-то сесть не предлагали!

– Вам тоже не предлагали. Почему это Вы сидите, а я стоять должна?

Директор молча слушал нашу словестную баталию с завучем –и , казалось, его мозг был готов взорваться Наверное, к нему не каждый день приводили пятиклассников , которые открыто прогуливали уроки., и хамить завучу не стеснялись.

–Ладно, – устало махнул он рукой. – Придешь завтра с мамой.

И он туда же...интересно, зачем всех детей пугают директором, начиная с первого класса? Если максимум на что он способен – это пожаловаться на ребенка родителям?

–Мам, тебя завтра к директору вызывают, -сообщила я вечером.

–Что на этот раз у тебя случилось?

К моему пятому классу мама уже успела привыкнуть, что в мою школу она приходила едва ли не чаще, чем к себе домой. Правда, это был первый раз, когда ее вызывали со мной к директору.

–Да ничего особенного. Сначала прогуливала уроки истории, потом нахамила нашему завучу.

–Понятно. Прогуливать уроки и хамить завучу – это для тебя «ничего особенного»? Ты вообще соображаешь, что говоришь?

–Соображаю. А на уроки Ирины Петровны я ходить больше не собираюсь. И никто меня не заставит. Даже ты.

Развернулась и ушла к себе в комнату.

Такое было со мной в первый раз. Ведь, не смотря на свой непокорный характер, маму я, как правило, слушалась.. И не потому что боялась, как думали мои глупые учителя. А потому что очень любила и уважала.

Поэтому мама поняла, что тут что-то не так. Зашла ко мне в комнату, села рядом и взяла меня за руку.

–Маша, -мягко произнесла она, -ну я ведь просила тебя не делать глупостей.

–Прости, мамочка. Не получилось.

–Хорошо. Я постараюсь разобраться, что у вас произошло. Но пока я не разберусь, не делай новых глупостей, ладно?

На следующее утро мы собрались в кабинете у директора. Я с мамой, завуч, класный руководитель и Ирина Петровна. Последняя картинно размазывала тушь и рыдала:

–Я не могу работать в этом классе, с этой девчонкой! И если вы не выгоните ее из школы –я сама уйду!

–Скоро из за нее все учителя уйдут! –добавила завуч.

–Подождите, -директор махнул рукой. –Ты..как тебя зовут? Маша? Можешь нам объяснить, почему ты решила не ходить на уроки к Ирине Петровне?

–Могу. Мало того, что она ничего не знает, а просто заставляет учебник. Мало того, что она ставит двойки, если я отвечаю не все по учебнику, а добавляю что-то из энциклопедии, например. Она меня оскорбляет на каждом уроке. И тупой, и дебилкой, и недоразвитой, и..

–Ну вот, дожили. Теперь уже пятиклассники выбирают, на какие уроки к ходить, а на какие-нет! Ты будешь учителю указывать, как ей уроки проводить? – взорвалась завуч.

–Не собираюсь я ничего ей указывать. Меня спросили, почему я не хожу на уроки –я ответила.

–Ну вот! Вы слышите, как она разговаривает.!И ты еще жалуешься, что Ирина Петровна тебя оскорбляет! А ты разве по-другому понимаешь? Или у тебя не хватит смелости при маме рассказать, как ты ведешь себя у Ирины Петровны на уроках?

–Почему же не хватит? Хватит. Я и вправду ужасно себя веду. Но разве это дает право меня оскорблять?

–Нет, так больше продолжаться не может! –завопила Ирина Петровна. – Я этого больше терпеть не намерена! Выбирайте- она или я! Если вы ее исключите из школы – тогда уволюсь я!

–Увольняйся, -махнул рукой директор.-Ну а Вы, -повернулся он к моей маме,-что скажете?

–Маша, -кивнула мне мама, -подожди, пожалуйста за дверью.

Совещание в кабинете директора длилось долго. Во всяком случае, мои друзья-одноклассники, которые решили оказать мне моральную поддержку и стояли рядом со мной в коридоре, успели усомниться в том, что завтра увидят меня живой.

–Ну что там было? Сильно ругали?

–Да ничего нового. Все как всегда..

–И что теперь будет?

–Да ничего не будет. Не убьют, и из дома не выгонят. В самом худшем случае –побьют.

А потом – пожалеют.

–А вдруг тебя из школы исключат?

–Ну исключат- и что ? Пойду учиться в другую.

–А мы без тебя как же???

–Мы ведь говорили тебе, что не надо прогуливать уроки!!!Говорили, что нельзя. А ты как всегда: нам ничего не будет, нам ничего не будет..

–Слушайте, отстаньте, а? Я вас прогуливать не заставляла. Ничего все за мной повторять. Кстати, если вы боитесь, что и вам влетит – можете не бояться. Я сказала, что вы не виноваты. Так, что вас точно из школы не исключат. И даже родителей вызывать не будут..

–Фуух....

–Ладно...мы пойдем, а?А то дома ждут..

–Ты давай тут..держись!

Как всегда. Прогуливать – так вместе, а как отвечать –сразу «дома ждут». Мальчишки, что с них возьмешь.

По дороге домой мама молчала. И дома какое-то время тоже. Как-то от этого молчания мне было совсем нехорошо. Лучше бы отлупила.

–Мам, ну что там сказали? Решили исключить меня из школы? И теперь ты меня отправишь в интернат для трудных подростков?

–Глупостей не болтай.

–Ну, а что тогда?

–Ты знаешь, -наконец серьезно сказала мама, – я и вправду не представляю, как ты будешь дальше учиться в школе. Если уже в пятом классе решаешь – к какому учителю ходить, а к какому нет.

–Значит, ты тоже считаешь, что она имеет право меня оскорблять, потому что я ужасно себя веду? Так?

–Я считаю, – мама говорила медленно, словно собираясь с мыслями, -что оскорблять тебя никто не вправе, как бы ты себя не вела. Более того –если эта учительница оскорбит тебя еще хоть раз –я лично позабочусь, чтобы больше она в вашей школе не работала.

Ну вот. Есть все-таки правда не Земле.

– И мне жаль, что ты не рассказала обо всем этом раньше.

–Я пыталась...Но ты тогда говорила , что учителей мы не выбираем, и что взрослым хамить нельзя.

–Да, я говорила...

Наверное, в тот момент мама подумала, что зря она мне это говорила. Но виду не подала. И строго сказала.

–А еще я считаю, что ты не имеешь права вести себя так, как ведешь. Поэтому если прогуляешь еще хоть один урок в школе или еще хоть раз нахамишь кому-то из учителей... Словом, не говори потом, что я тебя не предупреждала

– Хорошо, не буду.

–Не будешь –что ?

–Не буду говорить, что ты меня не предупреждала...

Вскоре после этого Ирина Петровна уволилась –как и обещала. Кто после нее преподавал у нас историю –я даже не помню...

Зато, я думаю, пришло время вспомнить, как я познакомилась со своей «классной мамкой» Мариной Сергеевной. Той самой, с которой я теперь работаю в одной школе , с которой мы вместе пьем кофе на переменах и вспоминаем мои «школьные годы чудесные».

По своему учительскому опыту, я хорошо знаю: новоиспеченным пятиклашкам, как никому, нужна твердая рука. Иначе, оказавшись после тесной началки на просторах «большой» школы, вкусят непривычно-сладостной свободы –и привет.

Самая я, получая классное руководство над пятиклассниками, обычно первые несколько месяцев хожу за ними по пятам. Шаг влево-шаг вправо –расстрел.

Потому что хорошо помню свой пятый класс. Я думаю, многих неприятностей удалось бы избежать, попади мы сразу в надежные руки.

В начальной школе (я уже говорила) у нас была прекрасная учительница. Она не только хорошо преподавала, но и классным руководителем была отличным. Во всяком случае, проблем с дисциплиной никогда не возникало. Помнится, она даже двойки за мое ужасное поведение ставила редко. И замечания в дневник писала, только если совсем караул. Как-то получилось навести в классе порядок и без двоек.

Зато когда мы пришли в пятый класс, классным руководителем у нас оказалась пожилая, уставшая женщина предпенсионного (или уже пенсионного) возраста. Так или иначе, на пенсию она с нашей помощью ушла раньше, чем планировала. После двух месяцев классного руководства.

Я ее даже не запомнила. Ни как ее звали, ни какой предмет она вела.

Вместо нее нам дали учительницу географии, добродушно-флегматичную Нину Георгиевну – ту самую, на уроках которой я научилась спать с открытыми глазами. Она, к счастью, быстро, поняла, что с ее темпераментом за нами не угнаться. И от классного руководства отказалась через месяц.

Потом у нас какое-то время не было классного руководителя... Или были временные. Но на добровольной основе никто вешать ярмо на шею не хотел.

Дошли слухи, что в учительской чуть ли не жребий кидали. Чья очередь на гаупвахту, классруком в 5-В? Нас это забавляло, если честно. Надо же – учителя нас боятся! О какие мы крутые!

Позже я узнала, что директор и в самом деле предлагал или жеребьевку, или в рулетку сыграть: кто пойдет в 5-В постоянным классруком? Ну где это видано – класс второй месяц без хозяина?

Трудно даже представить, до какой степени могут разболтаться пятиклассники, на протяжении двух месяцев предоставленные сами себе.

И если кто-то из учителей в октябре месяце еще позволял себе смелые мысли: «а не попробовать ли свои педагогические способности и взять 5-В на перевоспитание», то к декабрю иллюзии улетучились без следа.

И как раз в декабре в нашей школе появилась Марина Сергеевна.

Новый человек, ни дня до нас не работавший в школе, уже в первый день своего прибытия стала нашей «классной мамой».

Причем сама попросила классное руководство! Что в данной ситуации было равносильно просьбе заполучить пулю в лоб.

Теперь, когда мы с Мариной Сергеевной работаем вместе, она обожает в учительской, за чашкой чая, рассказывать коллегам – учителям о моих школьных проделках. И в частности о том, как пришла устраиваться в нашу школу. Свой первый диалог с директором и завучем она рассказывает по ролям настолько искрометно – что в голове моментально возникает живая картина.

Итак, молодая энтузиастка, возрастом двадцати пяти лет, с горящими глазами и горящим сердцем Данко, педагог-романтик, мечтающий сеять разумное – доброе – вечное, устраиваясь в школу математиком-предметником, попросила, чтобы в ее руки дали класс. И добавила: чем сложнее, тем лучше, я с трудными подростками работать люблю!

Директор от такого предложения аж поперхнулся.

– Вы точно с трудными подростками работать любите?

– Конечно!

– Тогда отлично. На ловца и зверь бежит. У нас как раз есть класс, который никто из учителей брать не хочет.

– Да нет! Она с ними не справится! – авторитетно заявила Ольга Борисовна. – Тут опытные преподаватели отказались от этого класса. А Вы им молодую девчонку хотите дать. Она же уволится на следующий день!

Однозначно, такое недоверие задело Марину Сергеевну для глубины души.

– Какой класс хоть ? И на фига вы тут держите учителей, которые с малолетками справиться не могут? Что значит – отказались?

–Пятый, -растерянно пробормотала Ольга Борисовна, явно не ожидавшая такой отповеди от «молодой девчонки».

–Пятый???? Вы шутите? Какие там могут быть трудные подростки в? Это же малыши еще!

–Ну знаете, я бы на Вашем месте так не говорила, -Ольга Борисовна с трудом начала приходить в себя . – Там класс очень сложный.

– Чем он сложный? Болтают что ли, на уроках? В школьном туалете курят? Или кого-то из учителей уже успели зарезать?

–Да просто там девчонка одна у них есть....-Ольга Борисовна окончательно растерялась. – Которая мало того, что сама неуправляемая, так еще и весь класс дезорганизовала.

–Дезо...что? Девчонка –пятиклассница? Это из –за нее от классного руководства отказываются?. –Марина Сергеевна повернулась к директору.– Я на вашем месте поувольняла бы их всех к чертовой матери . Дожили – с сопливой девчонкой справиться не могут. Дать ей пару раз по шее –мигом станет шелковой!

–Бесполезно, -обреченно махнула рукой завуч.

– Что значит-бесполезно? –удивилась Марина Сергеевна. – Семья, что ли, асоциальная? Родители алкоголики? Наркоманы? И ваши учителя боятся, что их прирежут вечером в темном переулке?

–Да нормальная там семья, -заступился директор. –Папа –инженер на заводе, мама в соседней школе преподает английский. Внимательная такая, приходит всегда, интересуется...побольше бы таких родителей..

–Каких родителей –побольше бы? Которые не могут своему ребенку объяснить, как вести себя нужно –чтобы учителям не приходилось от класса отказываться? Да я бы на месте этих родителей ...Впрочем ладно. Хватит тратить время на разговоры. Где этот ваш 5-В?

–Ладно, коллега. Дерзайте. – Директор поднял кулак, изображая жест «но пассаран». – Я бы Вам за вредность доплачивал, да нечем. Даже молоко учителям не положено.

–Молоко для ваших коллег оставьте, – иронично заметила Марина Сергеевна, -которые не могут справиться с этой вашей звездой.. как фамилия ее, кстати?

Теперь, когда Марина Сергеевна рассказывает это диалог в учительской, под дружный хохот коллег, я каждый раз думаю: жалко, что я не слышала этого тогда.. Потому что если бы услышала –прониклась бы любовью и уважением к своей «классной мамке» с первого дня.

А так –у нас с Мариной Сергеевной ушло несколько месяцев на выяснение того, кто хозяйка в классе: я или она. . И только к весенним каникулам пришлось признать : увы, не я.

Помню, как после знакомства с новоиспеченным классным руководителем ребята обступили меня.

–Ну, что? Как тебе эта? Будем ее слушаться или нет??

Для того, чтобы понять, стоит ли слушаться нового учителя или нет, нужно было определить, к какому типу он принадлежит. Если вроде нашей первой учительницы, которая была строгой и справедливой –то скорее слушаться, чем нет. Если вроде добродушной, но скучной Нины Георгиевны –скорее нет, чем да. Ну а если вроде бывшей учительницы истории, Ирины Петоровны или завуча Ольги Борисовны –однозначно нет.

Я пыталась понять, к какому типу относится Марина Сергеевна –и не могла. Она не походила ни на одного из учителей, с которыми мне приходилось сталкиваться. И тем не менее – она мне нравилась.

Необычная. Яркая. Энергичная. Веселая. Как говорится –с огоньком.

– Не знаю, ребят...пока не разобралась.

В общем, приглядывались мы к новому человеку. А она к нам.

–Окунева – это ты, что ли? –спросила меня Марина Сергеевна, когда мы собирались домой.

–Ну да. А что? – я насторожилась. Не понравилась мне как-то ее интонация

–Мда, -Марина Сергеевна презрительно скривила губы. –И с этой малявкой никто в школе справиться не может? –и, посмотрев в мои округлившиеся от удивления глаза, добавила. Если мне хоть один человек в школе пожалуется на твое поведение – по стенке размажу. Поняла?

А вот это было зря. Я очень не любила, когда мне угрожали. Тем более, было непонятно, за что нужно «размазывать по стенке», если я ничего плохого еще не сделала.

«Очередная истеричка ненормальная» -подумала я. И собрав одноклассников на школьном крыльце следующим утром, объявила:

–Эту дуру мы слушаться не будем –однозначно.

Что мы и решили доказать: на первом же уроке Марины Сергеевны.

Пока кто-то из одноклассников решал задачу у доски, мы с друзьями демонстративно громко разговаривали, перебрасывались записками, смеялись –в общем делали все то, что делали на нелюбимых уроках.

–Ты чем занимаешься? –услышала я у себя над головой звонкий голос Марины Сергеевны.

– Это не Ваше дело, – бойко ответила я. –Чем хочу, тем и занимаюсь.

В следующий момент властная рука вытащила меня из-за парты:

–Я ведь предупреждала тебя: попробуешь только пикнуть у меня на уроке –убью!

– Пустите! Вы не имеете права! –возмутилась я.

– Я сейчас покажу тебе, где твои права! – Марина Сергеевна встряхнула меня за шиворот.

Одноклассники настороженно наблюдали за этой сценой. Некоторые начали хихикать. Остальные напряженно ждали, как я отреагирую на нападение. В большинстве случаев, в баталиях с учителями мне удавалось одерживать верх – поэтому одноклассники всегда слепо шли за мной, как за поводырем. Теперь они наблюдали за нашей стычкой с Мариной Сергеевной – и не знали, за кем из нас следовать. Тем не менее, до конца урока воцарилась непривычная для нашего класса тишина.

–Мне кажется, -спросила я у мамы вечером, -или учитель все же не имеет права трясти меня за шиворот и угрожать, что размажет меня по стенке?

– Это ты о ком?

–О новом классном руководителе.

– И что у тебя с ней произошло?

–Да в том-то и дело, что ничего...ну почти ничего...на уроки математики я сказала, что это не ее дело, чем я занимаюсь.

–Опять ты за свое? Ладно, -мама вздохнула, -приду завтра, разберусь.

–Ага...это Вы –мама той самой девочки, из-за которой учителя на работу ходить отказываются? – радостно воскликнула Марина Сергеевна, когда мама на следующий день пришла в школу. – Я сама хотела Вас в школу вызвать, но, как говорится, на ловца и зверь бежит. И как же Вы допустили то, что Ваш ребенок тут всю школу в страхе держит? Вы же сама- учитель!

Мама, чуть ли не с самого моего рождения привыкшая к постоянным жалобам окружающих на мое поведение, спокойно ответила:

–Я прекрасно Вас понимаю. С тридцатью мальчишками-хулиганами проще справиться, чем с одной такой девочкой. Но что поделаешь? Не убивать же ее, в самом деле!

– Честно? Была бы она моей дочкой – убила бы уже давно! -эту фразу была произнесена Мариной Сергеевной с такой экспрессией, что мама не смогла удержаться от смеха.

–Охотно верю. Но думаю, со временем вы прекрасно поладите. Хотя мне кажется, кричать на ребенка не стоит, а угрожать запугивать –вообще бессмысленно.

– Что значит не стоит? –возмутилась Марина Сергеевна. – Если мне Ваша дочка еще раз скажет : «не ваше дело, чем я занимаюсь на уроке» -я и кричать не буду. Сразу врежу! И можете на меня не обижаться потом!

–Не буду обижаться, – согласилась мама. – Но бить ее тоже бесполезно.

–Обалдеть! Нет, ну я первый раз в жизни вижу таких родителей! Кричать не стоит, запугивать нельзя, бить бесполезно! Вы куда смотрите вообще? Слушайте, а давайте я Вашего ребенка возьму на воспитание , хоть на неделю! Я мигом из нее человека сделаю!

Мама снова рассмеялась, Марина Сергеевна, не выдержав, рассмеялась следом. И беседа, обещавшая быть очень серьезной , приобрела вполне дружеский оттенок.

–Ну ладно. Шутки- шутками, но если в пятом классе с ребенком никто справиться не может, что же дальше будет? –спросила Марина Сергеевна, решив повернуть разговор в нужное русло..

–Да ничего плохого дальше не будет, -уверенно сказала мама.

–Это почему Вы так уверены?

–Потому что – никогда нельзя думать о том, что из ребенка вырастет что-то плохое.

Этот диалог Марина Сергеевна тоже обожает сегодня пересказывать в учительской. Фразы «была бы моя –давно бы убила» и «давайте я возьму ее на первовоспитание» уже давно стали нарицательно –анекдотичными .А вот про то, что «нельзя думать о том, что из ребенка вырастет что-то плохое» -Марина Сергеевна обычно повторяет без улыбки.

– Да, наверное, и в самом деле, в детей нужно верить.. Но с другой стороны, – гордо добавляет она, показывая на меня, – это же я из этой несносной девчонки человека сделала!

Попытки Марины Сергеевны сделать из меня в школьные годы «человека», носили весьма эксцентричный оттенок.

Так, например, выйдя из учительской , где учителя наперебой жаловались на «ужасный 5-В», она остановила меня в коридоре и грозно поинтересовалась:

–И долго ты будешь продолжать класс баламутить?

– А что? – я презрительно посмотрела на классного руководителя, словно решая, стоит ли вообще снисходить до разговора с ней.

Проигнорировав мой провокационный взгляд и нагловатый тон, Марина Сергеевна встряхнула меня за шкуру:

–Я из тебя эту дурь выбью, обещаю! Я из тебя человека сделаю! Хорошая девчонка- а ведет себя так, как будто по ней спецшкола плачет!

Тут, честно говоря, я растерялась. Конечно же, я была уверена, что никто из учителей не имеет права мне угрожать и, тем более, трясти за шкуру. Но, в то же время, в школе никто, никогда не называл меня «хорошей девчонкой». Чем –то это напомнило мне маму с ее словами : «ты ведь умная, хорошая девочка, не делай глупостей».

К слову, на уроках самой Марины Сергеевны было интересно. Она была одной из немногих учителей, которая, увидев, что работаю я намного быстрее своих одноклассников, давала мне задания повышенной сложности. Поэтому на безобразия на уроке математики времени не оставалось.

Зато было много других скучных уроков. . Учителя-предметники, не справляясь с нами, жаловались Марине Сергеевне. Но сентенции классного руководителя, направленные на то, чтобы призывать нас к порядку, мы встречали ухмылкой : «что хотим –то и делаем». И демонстрировали, что мы –сами себе хозяева.

– Может, мы Марину Сергеевну все-таки будем слушаться? –спрашивали у меня одноклассники. – Она вроде ничего, нормальная...

– Кто – нормальный? – я презрительно присвистывала. – Орет, как сумасшедшая. Думает, мы бояться ее будем, как же!

На самом деле, мне уже тоже расхотелось воевать с новым классным руководителем. Ну орет, ну угрожает, ну за шиворот может встряхнуть –и что? Зато от души. В отличие от других учителей – Марина Сергеевна не была к нам безразличной.

Однако свои позиции я пока сдавать была не готова. И продолжала подбивать одноклассников на то, чтобы нарушать школьную дисциплину на каждом шагу.

Так, в один прекрасный мы решили прогулять урок. Сейчас уже не вспомню, какой именно это был урок, почему мы решили его прогулять –и вообще кому в голову пришла эта светлая мысль. Скорее всего, мне. У остальных на такое смелости бы не хватило. Особенно на то, чтобы прогуливать урок в открытую, в коридоре, на глазах у разгневанного завуча:

–5 В, вы что себе опять позволяете?!

–Что хотим, то и позволяем. У нас свободная страна!-развязно заявила я, под дружный хохот одноклассников.

Завуч сначала покраснела, потом побледнела, потом снова покраснела- и ушла искать нашего классного руководителя. По -видимому, почувствовав, что ей с нами не справиться.

Марина Сергеевна, увидев свой класс сидящим в коридоре на подоконниках во время урока, не особо удивилась и не растерялась. Не зря ведь она мечтала работать с трудными подростками!

–5В, даю вам ровно минуту, чтобы вы заняли свои места в классе. Если через полторы минуты вас там не окажется – вечером позвоню родителям.

И так она это спокойно и уверенно сказала, что одноклассников и след простыл.

В общем, все отправились на урок – а я осталась сидеть на подоконнике.

– Ты еще здесь? – грозно спросила Марина Сергеевна.

– А я на урок не пойду, – нагло сообщила я, поудобней устроившись на подоконнике и закинув ногу за ногу. – Можете звонить моим родителям –мне все равно ничего не будет.

Сказала – и тут же поняла, чтохватила через край. . Во-первых, я мне не хотелось продолжать войну с классным руководителем. Во-вторых, я обещала маме не прогуливать уроки. В третьих, мне и самой прогуливать особо не хотелось. И вообще, я сама плохо понимала, с какой целью я подбила одноклассников на очередной саботаж.

.Словом, в тот момент мне стало очень не по себе. Но не показывать же было свою слабость классному руководителю! Которому тогда я еще не доверяла.

Наверное, Марина Сергеевна, в своих мечтах о работе с трудными подростками, недооценила масштаб проблемы. Такой откровенной наглости она не ожидала даже от меня. Поэтому, с трудом сохраняя самообладание, пригрозила, что если я через минуту не пойду на урок, то она отлупит меня собственноручно –раз уж моим родителям до меня дела нет.

В ответ я отреагировала мгновенно – так, как привыкла реагировать обычно на учительские угрозы

–Кто? Вы? Да Вы меня не то, что бить – даже и близко подходить не имеете права!

Наверное, на этом стоило бы остановиться. Но я решила – погибать, так с музыкой. И добавила с торжествующей интонацией:

–Вы мне –никто! Поэтому Вас я слушаться не буду!

После чего я предпочла все же слезть с подоконника и удалиться. Не потому, что испугалась. Просто не хотела, чтобы Марина Сергеевна видела, как мое лицо заливают краска стыда.

Что дальше было в тот день –помню смутно. Запомнилось, что когда моя мама пришла в школу, Марина Сергеевна кричала в своей традиционно –экзальтированной манере : «Забирайте ее куда хотите –хоть дома сами учите, хоть в интернат для трудных подростков отдайте, но чтоб глаза мои ее больше не видели!», завуч в очередной раз рассказывала о том, что по мне

плачет колония, а директор разводил руками и просил мою маму: «Ну сделайте уже хоть что-нибудь! Если так дальше пойдет, из-за вашего ребенка скоро в школе учителей не останется!»

Когда дома мама взяла ремень со словами «всему должен быть предел, в том числе и твоей наглости», – я лишь плечами пожала: бей, заслужила.

«Все –таки есть вещи, которые я не могу объяснить даже сама себе, –грустно размышляла я. Ну, например, зачем нужно было сегодня прогуливать урок. Вот в случае с уроками Ирины Петровны это было понятно и объяснимо. А сегодняшняя ситуация– обыкновенная глупость. И одноклассники мои тоже хороши... ходят за мной, как за гипнотизированные, думают – раз Машка такая смелая, что уроки прогуливает, то чем мы хуже? Да никакая я не смелая – ,просто не всегда могу остановиться вовремя. Ну к чему была моя сегодняшняя бравада? Если бы я могла, как другие дети, слушаться учителей, всем бы было проще. А так... Вот мама не хочет меня наказывать, а приходится –ведь сколько раз она до этого меня просила не делать глупостей... Нет, все-таки зря мама считает меня умной и хорошей девочкой...»

Мама, естественно, через некоторое время пришла, чтобы меня успокоить. Вытерла мне слезы, обняла и попросила больше так себя не вести... естественно, в очередной раз напомнив о том, что я хорошая, умная девочка.

Не удержавшись, я спросила:

–Если я правда такая хорошая, как ты говоришь – зачем же ты меня бьешь?

Нужно отметить, что с того момента, как я озадачила маму этим вопросом – больше она меня не била. Ни разу.

– Я переживаю за тебя. Иногда боюсь даже представить, как далеко ты способна зайти, если тебя не остановить вовремя.

–Я стараюсь вести себя лучше. Просто у меня не всегда получается...

–Я знаю, солнышко.

Мама погладила меня по голове и добавила:

–А перед Мариной Сергеевной, я думаю, тебе стоит извиниться. И честно говоря, я не понимаю, зачем ты с ней воюешь. Она, конечно, бывает излишне эмоциональной, –тут мама улыбнулась, –но видно, что относится к тебе хорошо и искренне переживает за тебя.

На следующий день я с тяжелым сердцем подошла к Марине Сергеевне. Хотя я с детства умела признавать ошибки, отвечать за свои поступки и достойно принимать наказания – в этот раз просить прощения мне было тяжело, как никогда в жизни.

Справившись с волнением, я обратилась к классному руководителю:

–Мне очень стыдно за мое вчерашнее поведение. Постараюсь, чтобы такого больше никогда не повторилось.

Марина Сергеевна подняла на меня глаза.

–Что? Досталось, небось, вчера?

Я пожала плечами:

– Вообще мама меня редко наказывает. Но вчера она сказала, что всему должен быть предел, в том числе и моей наглости.

Я думала, после такого моего признания учитель возликует. Подумает, что справедливость восторжествовала, и наконец –то нашелся кто-то, кто сумел поставить на место эту несносную девчонку.

Но, на удивление, в глазах Марины Сергеевны отразилось неподдельное сочувствие:

–Ну и зачем тебе все это было нужно? Хорошая, умная девчонка, а вытворяешь не пойми что.!

И тут я почувствовала, что сейчас расплачусь. Во-первых, потому, что никто, кроме мамы, не называл меня хорошей, умной девочкой. Во-вторых, вопрос «зачем тебе это было нужно?» был словно соль на рану...если бы я сама знала, зачем!

Я в детстве очень редко плакала, при посторонних – вообще никогда. А уж показать свою слабость учителю, принадлежавшему к вражескому лагерю – это было равносильно концу света. Однако Марина Сергеевна вовремя заметила, что мои глаза предательски заблестели и спасла меня от «грехопадения»

– Останься после уроков. Поговорим.

Если бы мне накануне кто-то сказал, что я в течение часа смогу излить душу учителю, которого считала врагом – я бы не поверила. И уж точно не подумала бы, что учитель может выслушать внимательно, – с искренним интересом и сопереживанием. Не перебивая и не читая очередную нотацию на тему: «как тебе не стыдно»

– Вы думаете, я так себя веду, потому что я смелая? Это неправда. Мальчишки наши – дураки, раз так считают. И пытаются за мной все повторять зачем-то. На самом деле мне очень не по себе, когда меня ругают. А в школе меня ругают все время, почти на каждом уроке... Я знаю, что на уроках нужно сидеть тихо, не разговаривать, не мешать другим – только у меня так не получается. Поэтому учителя меня постоянно оскорбляют, говорят, что по мне плачет колония, что меня надо отправить в спецшколу, что мной не занимаются родители – а это ведь неправда! Родители меня очень любят, и я их очень люблю. Мама не хочет меня наказывать, но что ей еще остается? А потом она жалеет меня, говорит, что я умная и хорошая девочка, просит больше не делать глупостей... но если бы я и вправду была умной, я бы не совершала поступков, за которые мне очень стыдно...

Знаешь, – сказала Марина Сергеевна, выслушав меня. – Я вот уже который месяц смотрю на тебя и думаю: почему у нас не существует школ для одаренных детей? Конечно, при том, что ты решаешь в пятом классе задачи для седьмого, и по английскому произведение в оригинале читаешь, тебе здесь на уроках и делать особо нечего.

– Некоторые учителя дают мне дополнительные задания. Но большинство говорит, что нужно просто тихо сидеть и другим не мешать... А я так не могу..

– Да я знаю, что не можешь, – засмеялась Марина Сергеевна. – Зато что у тебя хорошо получается – это управлять классом лучше любого учителя! Вырастешь, закончишь институт – и обязательно иди работать в школу! У тебя талант педагога – это уже сейчас видно.

– Ага. Буду детей учить плохому, – вздохнула я. – Говорю же: мальчишки наши – дураки. Сами ни до чего додуматься не могут, зато за мной все что угодно повторяют. А потом плачут: «Мы не виноваты, это нас Машка научила!».

– Это точно. Мальчишки, в отличие от тебя, за свои поступки отвечать не умеют. Чуть что в слезы, «я больше не будууу» – а на следующий день все то же самое. Но ты зря думаешь, что только плохому одноклассников учишь. Благодаря тебе, и класс у нас очень дружный, и помогают все друг другу, и не обижают никого.

– А я здесь причем?

– Еще спрашиваешь? Это ведь ты слабых детей в обиду не даешь. И помогаешь одноклассникам всегда. Ну, а остальные с тебя пример берут. Нет, я серьезно говорю – после школы поступай в педагогический, а оттуда – снова к нам. Нам хорошие учителя нужны!

– Хорошо, – я снова вздохнула. – Постараюсь. Если меня до этого времени не отправят в спецшколу или в интернат для трудных подростков.

– Глупостей не болтай! – разозлилась Марина Сергеевна. – В этой школе учителя вообще работать не умеют, и ума хватает только на то, чтобы спецшколой запугивать. Поувольняла бы всех к черту! Так что можешь забыть все, что они тебе говорили. Я же пообещала, что из тебя человека сделаю! Но честно говорю – я сама тебя иногда понять не могу. Такое впечатление, что руки у тебя сами по себе, ноги сами по себе, а голова вообще непонятно где. И остановиться ты никогда не можешь вовремя.

– Да, это точно... Делаю глупости – а сама потом жалею.

Так может –тебе помощь нужна? –великодушно предложила Марина Сергеевна. Давай, в следующий раз, когда ты разойдешься, я тебя по затылку буду бить, что ли? Не возражаешь?

И так искренне и по-доброму это прозвучало, что я не выдержала и рассмеялась:

–Не возражаю. Можете бить, если нужно.

После того, как я признала Марину Сергеевну полноправной хозяйкой нашего класса, стало легче. Все-таки сильный и добрый классный руководитель был нам необходим.

Не все, конечно, было гладко. Моя неспособность сидеть на месте и постоянная тяга к приключениям часто толкала на необдуманные поступки и экстремальные развлечения. А одноклассники, естественно, шли следом за мной.

Так, например, здание школы было построено так, что два корпуса были трехэтажными, а один –двухэтажным. И на крышу двухэтажного корпуса запросто можно было вылезти из окна третьего этажа. Таким образом, мы начали прогуливать уроки, забравшись на эту самую крышу. На глазах у разгневанного завуча, которая, естественно, видела нас из окна третьего этажа –но не лезть ей же было за нами? И это добавляло веселья.

Когда за этим развлечением нас увидела Марина Сергеевна, то терпеливо дождалась, когда мы влезем обратно. После чего, схватив меня за шкуру, орала на всю школу: « Упадешь с крыши – а мне отвечать! Я из-за тебя не хочу в тюрьме сидеть – у меня ребенок маленький!»

Я тоже не хотела, чтобы Марина Сергеевна из-за меня садилась в тюрьму –поэтому лазить на крышу мы перестали. Правда, через пару дней, когда наша классный руководитель увидела меня, висящей на пожарной лестнице, она орала, что сейчас убьет меня своими руками, и за это согласна даже в тюрьме отсидеть. Про собственного маленького ребенка она, очевидно, в тот момент забыла.

–Я из тебя дурь выблюю! И человека из тебя сделаю!!!-кричала Марина Сергеевна, встряхивая меня за шкуру.

В следующий раз, когда мы устроили очередное бесчинство на уроке, и Марине Сергеевне долго пришлось выслушивать, что думают коллеги о 5-В классе, она вышла из учительской, раскрасневшаяся от гнева, и решительно направилась ко мне:

–Все, Окунева! Терпение мое закончилось,– объявила она, привычным движением схватив меня за шкуру. – На этот раз даже маме твоей звонить не буду –сейчас сама возьму ремень и тебя побью!

– Ладно, -согласилась я. – Можете бить. Заслужила.

Обескураженная такой покорностью, Марина Сергеевна отпустила меня – и некоторое время задумчиво разглядывала.

–Да нет, -произнесла она, наконец. – Я тебя, пожалуй, бить не смогу. Худенькая слишком. Пусть тебя твои родители откормят для начала –а потом воспитывать начнем.

Был еще эпизод, когда мы решили повторить былой подвиг, прогуливая урок в коридоре, сидя на подоконнике и флегматично отвечая разгневанному завучу:

–Ну что вы кричите? Еще пять минут –и мы пойдем.

Зачем мы это делали –до сих пор понять не могу. Скорее всего, нас забавляло то, что завуч, не смотря на громкие заявления и пафосные угрозы, на самом деле ничего поделать с нами не может.

Подошла Марина Сергеевна – и всех как ветром сдуло. Кроме меня, естественно. Потому что я никогда не умела остановиться вовремя.

–И долго ты собираешься тут стоять? Или мне тебе напомнить, что будет, если я маме про твои подвиги расскажу?

–А что будет? Да ничего мне не будет! –небрежно пожалала я плечами. И в этот момент, Марина Сергеевна, решив сдержать свое обещание, ощутимо треснула меня по затылку:

–Ты опять за свое ?!

– А? Что? –растерянно переспросила я, хлопая глазами от неожиданности.

–Ты опять за свое, я тебя спрашиваю?! В предыдущий раз мало получила ?

–Ладно, -миролюбиво согласилась я, слезая с подоконника. – Простите, больше не буду. Только маме не звоните, пожалуйста.

-Ты мне условия не ставь. Марш на урок!!!

При этом, как я узнала позже, Марина Сергеевна всегда заступалась за меня перед другими учителями.

–Вы же видите, что эта девочка по знаниям сильно опережает одноклассников. Вот у нее и остается время на баловство. Загрузите ее чем-нибудь, дополнительные задания дайте.

– Еще чего! Ремня ей надо –а Вы говорите, задания дополнительные!

– Ремня ей, конечно, тоже бы не помешало, за безобразные выходки, -соглашалась Марина Сергеевна.-Но посудите сами: ребенок на математике в пятом классе решает задачи для седьмого. На английском читает в оригинале Люиса Кэррола, когда половина класса толком букв не знает. Учебник истории она прочитала еще до начала учебного года. И что прикажете ей делать на уроках?

–И что? Ей родители дома не объяснили, что если выполнила задание, не нужно мешать другим? Пусть тогда учат ее дома сами! А у нас в классе тридцать человек. Что нам теперь, подстраиваться под каждого?

–Ну вы как хотите, -пожимала плечами Марина Сергеевна, -но лично я думаю, что за этого ребенка стоит бороться.

Так что моя «классная мамка» боролась за меня всеми доступными ей методами: ходила за мной буквально по пятам, чередовала душеспасительные разговоры со встряхиванием меня за шкуру. А еще каждый день докладывала маме о моих хулиганских выходках.

Маме, естественно, каждый раз приходилось решать практически гамлетовскую дилемму «бить или не бить». Обычно она выбирала второй вариант, но, очевидно, после долгих колебаний. Все же мама была «правильным», строгим учителем, которую все ученики в школе слушались с одного движения брови. Поэтому у нее в голове с трудом укладывалось, как собственный ребенок может срывать уроки, или, хуже того прогуливать эти самые уроки на школьной крыше.

– Ну как ты до такого додумалась, объясни!

–Сама не знаю, – честно отвечала я.

–Ты вообще понимаешь, что за такое поведение я должна взять ремень и тебя отлупить?

–Да, понимаю. Можешь бить. Заслужила.

После минутного раздумья, с тяжелым вздохом:

–Ладно... Сделаю вид, что я о твоих подвигах ничего не узнала.

Естественно, когда мама приходила в школу, на нее обрушивалась лавина гнева моих учителей, во главе с завучем, Ольгой Борисовной.

–Вы ее упустили!

–Как Вы такое допустили?

–Ребенок в одиннадцать лет никого из взрослых и в грош не ставит- что же вы дальше будете делать ?

–Вы же сама учитель! Как же Вам чужих детей доверяют, если Вы со своим ребенком справиться не можете!

–Мы письмо напишем по Вашему месту работы! Сообщим о Вашей профнепригодности ! И так далее.

Что на это отвечала мама – я не слышала; как правило, во время подобных разговоров она просила меня подождать за дверью. Что тоже вызывало негодование учителей:

–Нет, нет! Пусть останется! Пусть послушает! Пусть, в конце-концов, объяснит, почему она так себя ведет!

–Незачем ребенку присутствовать при разговорах взрослых, -твердо отвечала мама.

Впрочем, как-то раз мне удалось подслушать диалог с завучем.

–Я больше двадцати лет работаю в школе, – убеждала маму Ольга Борисовна. –Но поверьте, такого ужасного ребенка я еще не видела!

–У кого ужасный ребенок? У меня? – иронично поинтересовалась мама. – У меня прекрасный ребенок. А вот Вам я бы посоветовала работу сменить.

–Что?! –взорвалась Ольга Борисовна. –Вы мне еще указывать будете?! Вы лучше бы своего ребенка научили, как вести себя нужно!

–Но Вы ведь не любите детей, –спокойно ответила мама. – Зачем же тогда работать в школе?

Кажется, после этой беседы завуч больше мою маму в школу не вызывала. Да и на меня махнула рукой.

–Если родители не хотят воспитывать своего ребенка, – пафосно заявила Ольга Борисовна на ближайшем учительском совещании. – То мы бессильны. Ну что ж... – добавила она со скорбной интонацией. –Мы как-нибудь этого ребенка выучим, так и быть..И не таких учили... А родители потом сами всю жизнь будут плакать!

–Глупости не говорите, –заступилась Марина Сергеевна. – Нормальные там родители. И девочка хорошая. Правда, экстремальная очень...

– Ну вот, о чем и речь, –подхватывали другие учителя. – Что ее ждет с такими экстремальными наклонностями? Через год начнется : алкоголь, сигареты, наркотики...ну а потом...

–Хватит каркать, –грубо обрывала Марина Сергеевна. –Я сказала, что сделаю из нее человека –значит, сделаю.

Впрочем, со временем я начала вести себя лучше. Не хотелось маму подводить, да и Марину Сергеевну тоже. В конце –концов, они в один голос уверяли меня, что я –умная девочка, а ходить в школу для того, чтобы воевать с учителями – это слишком глупо. И с этим трудно было не согласиться.

Правда, и в дальнейшем со мной происходили разные эксцессы: вроде курения на крыльце школы или попытки залезть по дереву в учительскую, чтобы стащить классный журнал по просьбе двоечников-одноклассников. Было еще много разных мелких хулиганств, –впрочем, не особо запоминающихся.

А запомнилось мне другое.

Как-то (это был класс седьмой, наверное) на перемене я застала своего друга Дениса в коридоре, в слезах.

– Чего реवेशь? –небрежно поинтересовалась я. Сама я в школьные годы не плакала почти никогда, поэтому слезы одноклассников (особенно мальчиков) вызывали у меня презрительное недоумение. Небось, натворил что-то, родителей в школу собираются вызывать – и что? За свои поступки отвечать надо.

– По английскому опять двойка. Меня дома убьют!

– И правильно делают, – я пожала плечами. – К урокам готовиться нужно. Тогда и убивать тебя никто не станет.

– А как готовиться? Вы с пятого класса английский учите, а я в шестом к вам пришел! А в старой школе мы учили немецкий. И учитель здесь так объясняет, что я ничего понять не могу.

–Вот это да. Ты Ирине Ивановне говорил, что ты раньше не учил английский?

–Говорил, пожал плечами Денис. –Она сказала: «то, что ты не учил язык раньше, еще не повод не выполнять задания». А как я могу их выполнять, если ничего не понимаю?

–Балда! –я хлопнула одноклассника по затылку. – Что же ты мне раньше не сказал? Я бы давно тебе помогла с английским.

–Да я как-то и не подумал об этом, –растерялся Денис. –Но теперь –все пропало: в четверти будет «двойка».

– Не будет, –пообещала я. –Я поговорю с Ириной Ивановной.

После уроков я подошла нашей учительнице английского языка.

– Ирина Ивановна, вы пока Денису не ставьте «двойку» за четверть. Он все исправит.

Учительница подняла на меня удивленные глаза:

– Окунева, ты вообще в своем уме? Со своими «двойками» разберись для начала! А твой дневник стыдно даже в руки брать: что ни строчка – то замечание!

– Обязательно разберусь, – пообещала я. – Но дайте Денису возможность исправить оценку.

– А что ему теперь исправлять? – возмутилась Ирина Ивановна. – Он же всю четверть бездельничал – вот и результат. Как говорится: «любишь кататься – люби и саночки возить».

– А Вы разве не знали, – спросила я, – что Денис в предыдущей школе не учил английский? Что ему было сложно и непонятно? Почему Вы не помогли? Ведь Вы же – учитель!

– Ты мне еще указывать будешь! – взорвалась Ирина Ивановна. Лучше бы научилась нормально себя вести на уроках! А то каждый раз, выходя из вашего класса, учителя плачут и валерьянку пьют.

Ну и пусть плачут, – я презрительно пожала плечами. – Вам ведь все равно, когда плачет ребенок, которому Вы не хотите помочь и которому ставите несправедливые оценки.

– Выйди отсюда! Или я сейчас позову твоего классного руководителя!

После этого разговора я начала заниматься с Денисом, и за пару месяцев его удалось подтянуть с «двойки» до твердой «четверки».

– Ну вот видишь, – резюмировала Ирина Ивановна. – Можешь ведь, когда хочешь! А то рассказывал мне тут: я раньше английский не учил, я не понимаю!

– Так это меня Машка научила, – похвастался Денис.

– Надо же, – учительница презрительно скривила губы и обратилась ко мне. – Я была уверена, что единственное, чему ты можешь научить одноклассников – это уроки срывать и учителям грубить.

– Вообще-то это Вы должны были его учить, – хмуро ответила я, – а не просто ставить «двойки».

– Так, все. С меня хватит. Придешь завтра в школу с мамой.

И был еще один случай – и вовсе феерический.

Так, в восьмом классе к нам пришла учиться новая девочка. Правда, не в наш класс, а в параллельный «8-А».

К слову, «А» класс на тот момент считался «элитным»: состоял он, по большей части, из детей «владельцев заводов, газет, пароходов» (дело происходило в начале 90-х). Вроде бы этот класс был с экономическим уклоном, не помню... В общем, ученики 8-А щеголяли по школе своими модными нарядами и до общения с простыми смертными из 8-В не опускались. Собственно говоря, мы тоже не стремились общаться с ними. Более того, в нашем коллективе всегда жизнь кипела ключом, и мы вообще практически не замечали, что происходит в других классах. Из учеников параллели мы мало кого даже по именам звали.

Но на девочку эту я обратила внимание сразу. Она мне показалась очень тихой, очень грустной и очень одинокой. И на перемене стояла сама в сторонке.

«Странно как-то. Пришла новенькая в класс – и никто с ней не дружит. У нас в классе такого не бывает, – подумала я. – Нужно познакомиться с этой девочкой».

Но, поскольку в моей школьной жизни и так хватало событий, познакомиться нам удалось не сразу. И произошло это, когда я в один прекрасный день увидела эту самую девочку на школьном дворе, горько и безутешно рыдающую.

– Эй, подруга! Какая беда с тобой приключилась? – встревоженно спросила я, положив руку на ее плечо.

– Не твое дело! – девочка грубо сбросила мою руку со своего плеча.

Честно говоря, я растерялась. Сама я в детстве не плакала почти никогда. Мои друзья одноклассники могли плакать, если им грозило наказание за «двойку» или какое-нибудь хулиганство. Как правило, я их за это высмеивала. Считала, что за свои поступки полагается отвечать, и наказания принимать тоже нужно уметь достойно.

. Но тут, очевидно, дело было в чем – то более серьезном. Поэтому смеяться над девочкой мне совсем не хотелось. Я присела рядом с ней и обняла за плечи.

–Что тебе нужно от меня? –проговорила девочка сквозь злые слезы. – Поиздеваться? Как все они?

–Успокойся, -миролюбиво проговорила я. –Тебя как зовут?

–Таня...

–Маша, -я протянула девочке руку. Та перестала плакать и недоверчиво посмотрела на меня.

–Расскажешь, что случилось?

–Тебе какое дело? –огрызнулась Таня, впрочем, уже с меньшим запалом. –И чего ты ко мне привязалась вообще, а?

–Пытаюсь спасти школу от неминуемого потопа в твоих слезах, -я попыталась перевести разговор в шутку. Но, увидев, что Таня изменилась в лице, решила сменить тон разговора: – Я могу тебе чем-то помочь?

И тут плотину прорвало:

–Они ненавидят меня! –в отчаянии закричала Таня.– Все! Все! Все! Они издеваются надо мной! Я не могу больше ходить в школу! Я не хочу жить! Не хочу!

И девочка залилась таким потоком слез, которые, казалось, остановить было невозможно.

–Ерунда какая-то. –произнесла я наконец, когда Таня, обессилив от слез замолчала. – Все не могут тебя ненавидеть. С чего тебе это вообще в голову пришло? Тебя какой-то придурок в классе обозвал, а ты решила, что тебя ненавидит весь мир?

–Какой-то придурок? Обозвал? Они каждый день обзывают меня все. Толкают, ставят подножки! Швыряют мои вещи! Демонстративно зажимают нос, если я прохожу рядом!

– Что это за сборище дебилов? –удивилась я.

–Это мои одноклассники...

Честно говоря, я была поражена. В нашем классе дети были отнюдь не ангельского поведения – но никто никого никогда не обижал. Впрочем, вспомнила: был эпизод еще в начальной школе. В третьем классе. К нам пришла новенькая девочка, похожая на эту самую Таню. Тихая, спокойная. Я хотела с ней познакомиться поближе, но не знала, как. И не придумала ничего лучшего, как выбросить за окно ее пенал. Думала –сейчас девочка выбросит следом мой пенал, или даст мне по шее, или пожалуется учительнице. А Светка – так звали девочку – начала плакать. Так же горько и безутешно, как сейчас Танька. Я тогда растерялась: сама в детстве я не плакала почти никогда, и что делать, когда плачут другие, не очень понимала. Поэтому, обозвав для приличия Светку «ревой-коровой», полезла доставать ее пенал.

Однако мои одноклассники, для которых я всегда была безусловным лидером, тут же подхватили волну: начали Светку обзывать, дразнить и прятать ее вещи.

Честно говоря, мне это не понравилось. Но и я продолжала обижать новенькую –уже по привычке.

К счастью, учительница вовремя заметила и быстро погасила начинающееся безобразие. Со всеми учениками очень строго поговорила, а мне велела прийти на следующий день с мамой. Дома, естественно, тоже состоялся очень серьезный разговор, и помнится, мама сказала тогда: «Я тебя очень люблю –но других детей обижать не позволю». После чего я взяла Светку под свою защиту, и мы с ней стали близкими подругами. И других детей я с тех пор тоже в обиду не давала. Если кто-то из моих одноклассников пытался грубо подшутить над другим, то непременно получал от меня подзатыльник, со словами: « У нас дружный класс, и

обижать друг друга здесь запрещено». Ну, а поскольку одноклассники меня всегда слушались, то подобных ситуаций (как тогда, со Светкой) больше не возникало.

Все это промелькнуло у меня в голове, когда я успокаивала безутешно плачущую Таньку.. Мы тогда издевались над Светкой не со злости – просто по глупости. И хорошо, что рядом оказались взрослые, которые сразу же остановили это безобразие. А учителя в Танькином классе? Неужели они не видят, что происходит? Что они там – для мебели, что ли?

– Ладно, -хмуро сказала я. –С одноклассниками твоими я сама разберусь. Обещаю, что с этого дня они будут обходить тебя десятой дорогой. Но мне интересно, что обо всем этом думает классный руководитель вашего зверинца?

–Она говорит, что я сама виновата, -всхлипнула Танька.

–Что???

–Ну да...она и моим родителям так сказала: странная какая-то девочка у вас, ни с кем дружить не хочет, всех сторонится. У нас мол, дружный класс – только Таня ваша не хочет вливаться в коллектив.

– Вот значит, как? – я резко поднялась со скамейки.

–Маша! Что ты собираешься делать? –испуганно спросила Таня.

–А вот это уже не твое дело. Иди домой, и ничего не бойся. Обещаю, что больше тебя в этой школе не обидит ни один человек.

Честно говоря, я и сама не знала в тот момент, что собиралась делать. Просто чувствовала, как меня захлестывает ярость.

Это надо же...девочка горько рыдает на глазах у всей школы –а учителя проходят мимо, словно не замечая. Неужели это правильно? . Лично я в свои тринадцать лет уже понимала, что никто просто так не плачет, да еще так отчаянно. А взрослые -они не понимают, что ли? Почему никто не подошел к Тане, не спросил, что произошло, не предложил помощь?

Почему над девочкой можно издеваться –на глазах у учителей? Возможно, они этого и не видели...но в таком случае –зачем им вообще глаза?

И самое главное: почему в итоге виноватой оказалась сама Таня?

Значит, девочку можно сколько угодно безнаказанно обижать. Зато попробуй учителю грубое слово сказать, так они сразу рыдают, пьют валерьянку и кричат: «колония по тебе плачет», «на учет в детскую комнату надо», «без родителей завтра в школу не приходи»...И возмущаются еще: ученики нас не уважают, за людей не считают...

Естественно, мы таких учителей за людей не считаем .. Ведь разве они себя ведут –по –человечески ? .

Все это пронеслось в моей голове, пока я поднималась к кабинету Таниного классного руководителя.

Елена Анатольевна, учитель биологии, очень гордилась, что в ее элитном «8-А» классе рекордное (по сравнению с параллелью)количество отличников. «И никаких проблем с дисциплиной, -гордо добавляла она, – не то, что в 8-В! Потому что у меня все –очень строго!».

В кабинете, я застала Таниного классного в тот момент, когда она предавалась задушевным беседам за чашкой чая с учительницей химии.

– Тебя стучаться не учили? – хмуро спросила Елена Анатольевна.

– В следующий раз –обязательно постучусь, -пообещала я, подсев к учительскому столу и небрежно закинув ногу за ногу.

– Тебе вообще-то сесть никто не предлагал !-возмутилась учительница. –И вообще – выйди отсюда. !Не видишь, мы заняты!

– Чем же это Вы так заняты? –язвительно спросила я.– Лучше бы, вместо того, чтобы чай пить, посмотрели, что в вашем классе происходит!

–Ты мне еще указывать будешь?! Выйди, я сказала!

–А я сказала, не выйду. Конечно, не моего дело, а Вашего. Но Вам, почему-то все равно, что в классе дети издеваются над другими детьми.

–Если через минуту не выйдешь отсюда – завтра без родителей можешь в школу не приходить, -подключилась учительница химии. – Совсем обнаглела уже!

– Да, вот так! –продолжила я, проигнорировав угрозу. – Девочку обзывают «жабой», «вонючкой», швыряют на пол ее вещи, ставят подножки, толкают. Ее бьют –мальчики! Вы, как классный руководитель, считаете это нормальным?

– Глупости какие! Не бывает у нас такого! –Елена Анатольевна наконец подняла глаза от чашки с чаем. У нас дружный класс! Это в твоём «8-В» вечно не пойми что творится!

– Не бывает, говорите? А как же Таня , новенькая?

– А , эта...– учительница изобразила презрительную мину. – Да никто ее не обижает! Она сама странная какая-то!

–Что же в ней такого странного?

– Да она пришла к нам в этом году из другой школы – и ни с кем не дружит. Ото всех шарахается. Ни с кем не разговаривает . Я так думаю – она просто больная, и ей психиатр нужен.

Это было уже слишком. Почти не отдавая себе отчета в том, что я делаю – я поднялась со стула . А затем резким движением опрокинула чашку Елены Анатольевны на стол.

– Ты что делаешь???? –завопила учительница.

– А что Вы так орете? Может, Вы больная, и Вам психиатр нужен? – затем я небрежно сбросила ежедневник Елены Анатольевны на пол и наступила на него ногой.

– Ну как? Вам хочется со мной разговаривать теперь? А дружить? Думаю, в следующий раз при виде меня вы тоже начнете шарахаться, – развернувшись, я пошла к двери.

–Завтра без родителей в школу не приходи!!! –прокричала вслед Елена Анатольевна. – Колония по тебе плачет!

Естественно, этот громкий случай произвел шум на всю школу. Елена Анатольевна на следующий день прибежала к директору, требуя немедленно меня исключить из школы –иначе она сама уволится.

–Восьмой класс –а такое себе позволяет! Чуть ли ногой открывает дверь в кабинет , а затем погром устраивает.! Скоро страшно будет вообще на работу ходить. Примите меры!

Потом был так называемый «малый педсовет», на котором Ольга Борисовна в очередной раз с пеной у рта доказывала, что «для таких детей существуют специальные заведения»– и еще много слов, которые я, честно говоря, даже не запомнила. За годы учебы в школе эти слова стали для меня настолько привычными, что я научилась их пропускать мимо ушей. Но, следует заметить, что в тот раз мой классный руководитель, Марина Сергеевна, горячо меня защищала. И с жаром уверяла директора, что учителя, который поощряет в своем классе травлю более слабых детей, «нужно гнать из школы поганой метлой».

–Вы всерьез считаете, что то Ваша ученица позволяет себе допустимые вещи? – удивился директор. –По-моему, это уже ни в какие ворота...

–На ее месте я бы поступила точно так же, -заметила Марина Сергеевна. – Мало того, что учитель над девчонкой позволяет издеваться детям , так еще и виноватой ее делает. Это вообще что??? Нет, я конечно, все понимаю: в школе с кадрами туго, зарплаты маленькие , и мы готовы взять любого, кто случайно мимо пройдет. Но таких людей вообще к детям подпускать нельзя на пушечный выстрел !

– В любом случае, это не дело школьницы –указывать учителю, что делать!

– Это верно. Очевидно, указать учителю на ошибку должны были Вы. Но почему-то не стали это делать. И никто не стал. Никто не обратил внимания на то, что девочку обижают, она постоянно одна, постоянно плачет. Хорошо, хоть не сделала с собой ничего... Так что

«двойка» нам всем, товарищи педагоги. А ребенок, которого вы уже битый час ругаете, на чем свет стоит, – Марина Сергеевна посмотрела на меня, –человечней нас оказался.

– Ладно, допустим...-согласился директор. – Но заходить к учителю в кабинет и швырять на пол вещи..

– А за это она еще свое получит! –Марина Сергеевна бросила на меня грозный взгляд. – Я же говорю –ремня ей не хватает! И куда только родители смотрят...

По окончании «судилища», выйдя из директорского кабинета, моя классная руководитель с тем же пылом обрушилась на меня:

–Окунева, ты угомонишься, наконец? Ей –богу, я и вправду когда –нибудь тебя отлуплю собственноручно –и не посмотрю на то, какая ты маленькая и худенькая!

–Ваше право, -пожала плечами я. –А я считаю, что это несправедливо, когда весь класс издевается над одной девочкой. И когда учитель, вместо того, чтобы помочь ребенку, обвиняет его же самого –разве это справедливо?

–О, боже, -Марина Сергеевна схватила за голову. –Опять ты за свое! В прошлом году, помнится, ты довела учителя до сердечного приступа, рассказывая, что несправедливо ученику ставить двойки за то, что он не понял тему...

– Я же Вам рассказывала. Денис в предыдущей школе не учил английский. А Ирина Ивановна, вместо того, чтобы ему помочь, просто ставила двойки. Разве это справедливо?

– Понятно, – Марина Сергеевна безнадежно махнула рукой. – Ты решила стать революционером, борющимся за права детей в школе. Послушай, я тебе в который раз говорю: заканчивай институт –и обязательно приходи сюда работать. Нам такие учителя нужны?

–Какие –«такие»?

–Как ты. С обостренным чувством справедливости.

–Ну уж нет, -я энергично покачала головой. –Закончу школу –и больше сюда ни ногой. Даже детей своих в эту тюрьму не отдам –ни за что!

Естественно, тогда я и мысли не допускала о том, что спустя какое-то время я и вправду приду работать в школу. И не раз в будущем мне придется схлестнуться с учителями, защищая интересы детей и их родителей. Не раз придется вспомнить Таню, которую травил одноклассники. Дениса, которому несправедливо ставили «двойки». И свой собственный ярлык «трудного ребенка, по которому плачет колония».

Но это будет еще нескоро..

В старших классах я перешла учиться в лицей с углубленным изучением иностранных языков. Учеба там была поставлена серьезно, поэтому на баловство времени уже не оставалось. Школу я закончила с золотой медалью, после чего легко поступила на иняз. Ну, а дальше у меня было «все как у людей». Институт, свадьба, дети.. Относительно размеренная жизнь продолжалась до тех пор, пока я, неожиданно для самой себя, снова не переступила школьный порог. На этот раз –в роли учителя.

Жизнь любит сюрпризы...

2008 -2015 год. Учительские будни

Представляешь, – рассказывала мне мама, -пришла к нам сегодня устраиваться в школу новая учительница математики. Смотрю, лицо знакомое, но узнала не сразу. А она, не успев зайти в мой кабинет, с порога заявила : «Ну надо же! Где бы я еще встретилась с мамой этой противной девчонки!»

–Марина Сергеевна?!

–Ну, да, она.

–Ну блин, она, как всегда, в своем репертуаре. Могла не кричать на всю школу о том, что ты «мама противной девчонки». Ты ведь теперь завуч, как-никак!

–Ну, так это же Марина Сергеевна, -мама улыбнулась. –Целый час только о тебе говорила и расспрашивала про тебя. Как-никак, говорит, моя любимая ученица.

–Ну да, как же –я засмеялась. – Это она меня, видать , от переизбытка любви таскала по всей школе за шкуру , давала подзатыльники и каждый день тебе жаловалась?

–Про это Марина Сергеевна тоже вспоминала, – мама тоже засмеялась. –Говорит: обещала я из этой девчонки сделать человека –и сделала ведь!»

– Она сделала, как же!

–Ну, да. Говорит, могла пойти по плохой дорожке – а теперь все как надо: институт, красный диплом, семья, дети.

–Ну если я и не пошла по плохой дорожке, -заметила я, – то это только благодаря тебе, мамочка. Ты всегда меня поддерживала и верила в меня. Хотя, не спорю, Марина Сергеевна в свое время мне тоже помогла.

–Но признай- с классным руководителем тебе в свое время очень повезло. Кстати, она очень хочет тебя видеть. .

–Ну отлично. Раз вы с Мариной Сергеевной теперь коллеги –я знаю, где ее найти.

Встреча с бывшим классным руководителем в коридоре маминой школы, как и следовало ожидать была бурной. В духе Марины Сергеевны.

–Это надо же! –кричала она, крепко сжимая меня в объятьях. – Уже мамочка двоих детей- а на вид все та же пацанка-хулиганка! И с такими же чертикам в глазах! Как поживаешь? Как семья? Как дети? Слушаются?

–С переменным успехом. Старший –гиперактивный: каждый день мстит мне за загубленные нервные клетки моих родителей. С ужасом жду первого класса.

–Ну если дитеныш характером в тебя пошел – к началу учебного года подарю тебе ремень. И валерьянку впридачу.

Мы дружно рассмеялись.

–Ну а сама ты чем занимаешься? –спросила Марина Сергеевна.

–Пока преподаю английский на вечерних курсах. Жду, пока дочка в садик пойдет, чтобы выйти на полную занятость. Только двумя маленькими детьми берут неохотно.

–Подожди! -воскликнула Марина Сергеевна.– Мы ведь как раз учителя английского ищем. Ну-ка пойдём!

И прежде, чем я успела сообразить, Марина Сергеевна схватила меня за руку и потащила за собой. В кабинет директора.

–Вот, Ирина Александровна, громогласно объявила она, -прошу любить и жаловать: наш новый учитель английского! Имейте в виду: такого работника Вы днем с огнем не сыщите, поэтому предлагайте ей любые деньги – и –что самое главное – не показывайте конкурентам! Оторвут с руками и ногами!

Ну Марина Сергеевна! Похоже, с возрастом ее пыл не угас.

–Ирина Александровна, -со смехом обратилась я к директору, -признайтесь, , чем Вы так насолили этому человеку, и за что она Вам собралась отомстить ? Если что, Марина Сергеевна – моя бывшая «классная мамка», из которой я в свое время, боюсь даже вспомнить, сколько литров крови выпила!

–Глупостей не болтай! –перебила Марина Сергеевна. – Таких талантливых детей у меня с тех пор не было. И, между прочим, -обратилась она к директору, – это дочка нашей Натальи Викторовны!

Факт того, что я являюсь дочерью уважаемого завуча школы, оказался в руках Марины Сергеевны козырем.

–Так ты бы так сразу и сказала! –заулыбалась Ирина Александровна. –Берем –не глядя!

–Ладно, посмеялись и хватит, – вздохнула я. –Марина Сергеевна шутит. На самом деле, школа и я –несовместимые вещи.

–Как это –несовместимые? – удивилась Ирина Александровна. – У тебя мама –завуч, всю жизнь в этой школе работает. Ты, стало быть, потомственный учитель.

– В таком случае, пусть Марина Сергеевна расскажет, как я уроки прогуливала, учителям грубила и на крыльце школы курила. Хотите, чтобы я детей научила плохому?

–Кто? Ты?-Ирина Александровна рассмеялась. – Да твоя мама у нас всю школу в ежовых рукавицах держит: никто из учеников не осмеливается ни курить, ни прогуливать .Ты думаешь, я поверю, что ее собственный ребенок так себя вел? Придумала же такое!

–Марина Сергеевна, подтвердите!

–Да глупости она говорит, – быстро ответила Марина Сергеевна. – Давайте ей бланк заявления, и пусть приступает к работе.

–Иди в приемную, пиши заявление, -согласилась Ирина Александровна.

–Подождите? Какое еще заявление? Я не готова !

–Что значит-не готова? А когда будешь готова?

– Не знаю. Да я вообще просто так зашла , с классным руководителем повидаться А на работу я устраиваться сюда не собираюсь.

–Почему не собираешься? –удивилась Ирина Александровна. – Образование у тебя подходящее. Рабочий день короткий, в два часа дня уже дома будешь. Отпуск летом два месяца. Больничные. С двумя маленькими детьми –как раз то, что надо. Иди, пиши заявление, а завтра ждем тебя на работе.

–Какое завтра? Мне сначала ребенка надо в сад устроить! И вообще –дайте подумать!

–Ладно, до конца этого учебного года думай, -смиловилась Ирина Александровна.— Но в конце августа мы тебя ждем- и это не обсуждается!

–Какого черта, Марина Сергеевна! –возмутилась я, когда мы вышли из кабинета директора. – Могли бы для начала у меня спросить, что ли!

–Еще чего! – отрубилась Марина Сергеевна. –Нам ценные кадры нужны! А я всегда знала, что из тебя выйдет прекрасный учитель. Тебя же все одноклассники слушались с полувзгляда!

–Учитель, который подначивает детей прогуливать уроки, лазить по крышам и курить на крыльце? Ну-ну...

–Так ты ведь вроде девочка уже взрослая, -засмеялась Марина Сергеевна. –И глупостей, насколько я знаю, больше не делаешь?

–Кто знает, кто знает...

Разговор этот произошел весной. Летом я устроила младшую дочку в садик и занялась активными поисками работы. И тут меня ждало разочарование. Потенциальные работодатели, узнав о наличии у меня детей возрастом шести и трех лет, тут же теряли всякий интерес.

Уже подходил к концу август, а работу мне найти все не удавалось.

После очередного разочаровывающего собеседования я чувствовала себя окончательно раздавленной. С грустными мыслями я возвращалась домой – и по дороге остановилась на

крыльце маминой школы. «Зайду поговорить, -решила я. –Мама всегда знает, как меня поддержать и успокоить».

Но, стоило мне переступить порог , навстречу мне вылетела директор, Ирина Александровна.

–Ну наконец-то! А мы тебя ждем! –закричала она. – Надумала все-таки! Ну, пойдем!

Все еще пребывая в своих мрачных мыслях, я последовала за директором следом.

–Вот образец заявления. Пиши.

«Что еще за заявление»– подумала я, машинально списывая образец. Мысли мои были далеко. Ну почему в нашей стране невозможно устроиться на работу с детьми? Что теперь, женщинам перестать рожать, что ли?

Продолжая раздумывать об этом, я вскользь посмотрела на написанный моей рукой листок.

«Заявление. Прошу принять меня на вакансию учителя английского языка с нагрузкой...» Черт! Это еще что?!

–Ирина Александровна, я не то хотела сказать...вернее, не то хотела написать... в общем, мы друг друга не поняли...Ну я же говорила Вам: школа и я-вещи несовместимые!

–Ничего не знаю и знать не хочу! –отрезала Ирина Александровна. – Завтра ровно в восемь жду тебя на рабочем месте!

–Подождите...я не согласна...позвольте забрать мое заявление...

–Жду тебя завтра в восемь утра, -настойчиво повторила Ирина Александровна, убирая заявление в папку.

Вот это да. Влипла...

–Представляешь, -рассказывала я маме вечером, -зашла в школу, просто чтобы поговорить с тобой. Расстроенная была, думала о своем. И , когда ваша директор повела меня писать заявление, я вообще не соображала, что делаю. Очнулась только, когда она мне сказала: завтра в восемь ждем тебя на работе.

–Ну и замечательно, -обрадовалась мама, – ты ведь искала работу. А школа – совсем не плохой вариант. Особенно для тебя .

–Ну вот- и ты туда же! Я и школа – это несовместимые вещи, я же говорю! Ты вспомни, как я в свое время над учителями издевалась!

–Я тебе никогда раньше этого не говорила, -мама серьезно посмотрела на меня, -но в том, как ты вела себя по отношению к учителям , виноваты были они сами. Поэтому, когда начнешь работать в школе, вспоминай, как поступали ваши учителя –и делай все с точностью да наоборот. И тогда у тебя все получится.

–Ты думаешь?

–Я считаю, что попробовать в любом случае стоит. А еще мне кажется, что тебе эта работа понравится так, что бросать не захочется.

– А если –не понравится?

– Не понравится –уйдешь. Силой удерживать не будем.

«В самом деле, что я теряю? –решила я. – Работать ведь где-то нужно. А с маленькими детьми меня больше никуда брать не хотят. Ну, попробую. Не понравится –уйду».

Так, по стечению обстоятельств, я оказалась в школе. Поначалу –в качестве учителя – предметника. На удивление, с детьми мне оказалось работать легко и интересно. Поначалу, конечно, подростки , видя мою молодость и неопытность, пытались проверить меня на прочность. Некоторые вели себя демонстративно развязно, пытаясь хамить и саботировать урок .

Но по своим школьным годам я знала , что если ученик хамит –значит ему на самом деле некомфортно и небезопасно. А еще припоминала мамины слова : «вспомни , как вели себя твои учителя –и поступай наоборот».

– Ну и чем ты занимаешься на уроке? – спросила я у девятиклассницы, которая демонстративно достала из сумки плеер.

– Чем хочешь-тем и занимаюсь. А что? –наглова то усмехнулась девочка.

Да уж.. Знакомо. Эх, где мои двенадцать лет.

– В этом месте, полагаю, я должна заорать: положи дневник на стол, выйди из класса и без родителей завтра не приходи? –иронично поинтересовалась я. Ученики захихикали, а девочка озадаченно уставилась на меня.

– А что Вы сделаете, если я не буду писать упражнение? – с любопытством спросила она.

–Почему –не будешь? –уточнила я. – Упражнение непонятное? Или наоборот, слишком легкое?

– Просто я для себя решила, что английский мне не нужен! –гордо подняв голову сообщила бунтарка.

– Странно... Неужели тебе до сих пор не промыли мозги о том , что «без языка сейчас никуда»?

– Да слышала сто раз...фигня это все.

–Согласна, фигня. Но что поделаешь – если урок английского в расписании есть, то придется на него ходить. А раз ты пришла на урок- то лучше выполнять задание, чем сорок пять минут посматривать на часы, считая минуты и надеясь, что учитель не вызовет.

– А как выполнять –если я ничего не понимаю! – огрызнулась девочка.

– Так бы сразу и сказала. Останься после урока –я объясню.

После уроков девочка (кажется, ее звали Кристина) зашла ко мне в кабинет.

– Вы сказали, чтобы я пришла? –настороженно спросила она.

– Заходи, конечно. А что так несмело? . Ты что, боишься

– Да нет...

Наглая бравада девочки куда-то улетучилась. Наоборот, у нее был такой вид, что мне захотелось немедленно ее закутать в плед и напоить горячим чаем – и лишь потом приступить к объяснению непонятного материала.

– Так что у тебя с заданием? Не поняла тему?

–Да нет...– Кристина опустила глаза ...– Просто я по-английски даже читать не умею...

–Круто, -удивилась я. – С первого класса учишь язык –и даже читать не научилась?

–А нас никто не учил особо... Ну, некоторые дети с репетиторами занимаются. Некоторые на курсы ходят. ..Кому-то родители помогают. А у меня родители английского не знают, и денег на репетиторов нет.

– А предыдущая учитель ? Ты к ней подходила, говорила, что не понимаешь?

–Да у нас за все время я уже не помню, сколько учителей по английскому сменилось! -махнула рукой Кристина. Помню, в младших классах у нас была добрая учительница. Почти ничего нам не задавала, и оценки всем ставила хорошие. Потом мы в пятый класс пришли – там тоже учительница особо ничего не требовала... мы дома текст переводили, с помощью компьютера – и достаточно было. А Ольга Ивановна, которая перед Вами была...она каждый урок орала и «двойки» ставила...Ну я и решила –зачем я буду что-то делать? Все равно «двойку» получу.

– Ну знаешь ли... всегда лучше- сделать и жалеть, чем не делать –и тоже жалеть, -заметила я. – Поэтому –начинай заниматься, а я помогу. «Двоек» нахватать ты всегда успеешь.

– А вы не будете на меня жаловаться классному руководителю? – осторожно спросила Кристина.

–В смысле –жаловаться? Мы с тобой вроде не в песочнице детского садика.

– Фуух! Спасибо!

Вскоре я заметила, что беда с английским была не у одной Кристины. Дети, которые не занимались с репетитором и не посещали языковые курсы, на девятом году изучения языка

в школе не умели даже читать. Поэтому неудивительным было их полное отвращение к предмету.

Полистала учебники, заботливо рекомендуемые Министерством образования- и решила, что годятся они разве что для растопки печи. Шесть грамматических времен в пятом классе! И это при том, что дети впадают в ступор, слыша вопрос *How are you?* И лексика, и грамматические времена в учебнике были изложены настолько хаотично, что казалось, преследовали цель – довести детей до тихого помешательства. И учителей заодно.

Кроме того, меня удивляло и огорчало, что дети (даже те, которые немного знали английский) не могли построить даже элементарных разговорных фраз. Максимум, что они могли воспроизвести – это заученные предложения из учебника.

– Ребят, ну что вы, в самом деле! Язык нужен, чтобы на нем общаться –а не только повторять *London is the capital of Britain!*

– Так мы не умеем... -оправдывались ученики.

– И что? Вы и по-русски говорить когда-то не умели.

Мне очень хотелось, чтобы дети разговаривали на английском, без страха сделать ошибку. Поэтому, отложив в сторону министерский учебник, я начала использовать собственные приемы, приобретенные за годы преподавания на курсах. Забавные диалоги, интерактивные игры –все это очень мало напоминало стандартные уроки, на которых ученики должны были сорок пять минут сидеть ровно, изредка поднимая руку перепедникулярно парте. Дети могли свободно перемещаться по классу, смеяться, разговаривать – но только на английском: за попытку изъясняться по-русски были введены символические штрафы

. Вскоре ученики, которые боялись английского, словно кары небесной, через какое-то время начали изъясняться на языке вполне сносно. Те дети, которые не по –английски не умели даже читать –научились этому в процессе. И даже сложную грамматику постепенно начали осваивать.

Все бы было неплохо. Если бы речь не шла о стандартной постсоветской школе. В которой главное – порядок и дис-цип-ли-на.

Во-первых, календарные планы. Естественно, планирование составила я строго по учебнику –который за время преподавания даже не открывала. И, конечно, темы в журнал записывала в строгом соответствии с календарными планами. Вообще-то я не люблю врать. Но решила для себя, что «бумага все выдержит». Тем более, ненужной писанины в школе было – нескончаемое количество. Планы, конспекты, отчеты. Я писала это все, особо не вникая – лишь бы отстали. Относилась к этому, как в свое время к школьным урокам. Скучно, нудно и не понятно вообще, зачем нужно – но иначе получишь двойку, за которую дома будут ругать. Поэтому лучше сделать – и забыть.

Во-вторых –открытые уроки.

Когда директор, Ирина Александровна, побывала на одном из моих уроков –она пришла в полное замешательство.

– Что за бардак у тебя творится в классе?

–Почему –бардак?

–Шумят. Разговаривают!

–Разговаривают – это хорошо, -удовлетворенно кивнула я. – Наконец-то я этого добилась!

–В смысле?!!

–В том смысле, что нельзя одновременно овладевать иностранным языком –и молчать.

Это все равно, что учиться плавать, стоя на берегу.

–А как могут они вообще чему-то учиться? В таком шуме?

–Ну знаете, Ирина Александровна...Шум- это нормальное явление на уроках. Вы ведь, слава Богу, не в море только что побывали. И не на кладбище. А в классе, где учатся дети!

– Больше двадцати лет работаю, но такое – первый раз вижу! – воскликнула директор. – Есть же стандартные формы работы, стандартные методики обучения английскому!

– Стандартные – это какие? – я презрительно скривилась. – Когда ученик с застывшим лицом декламирует «Май нейм из Вася, ай эм а пьюпил, ай лив ин Москоу»?

– Ну знаешь... Пойди, что ли, посмотри, как другие учителя уроки проводят. Вот хоть у мамы своей поучись! У нее на уроках всегда тихо!

– Замечательно. Но я – это не моя мама, а моя мама – это не я. Поэтому оставьте за нами право проводить уроки по-разному.

Следующая стычка с директором вновь произошла на открытом уроке, в 5 классе. Мальчик, классический СДВГ ребенок, с прекрасными способностями и прекрасной памятью. В обучении его было два варианта. Либо он, ценой невероятных усилий, заставлял себя сидеть ровно за партой – и в итоге на уроке не усваивал ничего. Либо, время от времени, он вставал, ходил по классу – и демонстрировал блестящие результаты. Естественно, я разрешала ему двигаться. У нас был договор – почувствуешь, что устал, можешь встать, протереть доску, подойти к учительскому столу и так далее. . Даже систему условных знаков разработали. Я, видя, что мальчик начинает ерзать, могла подмигнуть, или, подойдя к нему, положить руку на плечо.

Увидев картину, когда парень вскакивает с места чуть ли не каждые пять минут, Ирина Александровна испытала культурный шок.

– Что это за безобразия? Чем он вообще занимается на уроке?

– Поверьте, он прекрасно занимается. Можете проэкзаменовать его по любой теме – всем одноклассникам фору даст.

– Но он же мешает!

– Кому мешает? Мне? Абсолютно нет. Одноклассникам? Тоже нет. Если он и чему мешает, Ирина Александровна, – так это Вашим представлениям о том, каким должен быть идеальный урок.

– Ты бы лучше прислушалась к тому, что тебе говорят! – взорвалась директор. – А то работаешь тут без году неделя, и думаешь, что можно на уроках творить все, что вздумается! Есть стандартные программы, есть планы..

– Да пожалуйста.. Вот Вам планы моих уроков. А что касается мальчика, который ходил по классу... Ирина Александровна, директору школы стыдно не знать, что такое СДВГ. Учите матчасть!

Да уж... детская привычка хамить школьной администрации не оставила меня и на работе. Естественно, на следующий день в коллективе обо мне слагали легенды, как о «молодой девчонке, которая не боится послать самого директора».

– По благу, наверное, устроилась, раз ничего не боится... Интересно, чья она протеже?

– Да ладно вам... У нее уроки-шикарные! Дети- в восторге! Родители счастливы, что наконец их дети начали понимать английский!

– И что? Она директору сказала, «Вам стыдно не знать такого», представляете?

– Интересно, ее уволят теперь?

– Не уволят. Дети и родители за нее горой станут.

Пока Ирина Александровна приходила в себя от шока после столкновения со мной, я, без особых усилий, заняла призовое место в области в конкурсе «Учитель года».

– Комиссия в восторге! – рассказывала директор. – Говорит, такого насыщенного и интересного урока еще не видела. Настоящий учитель двадцать первого века!

– Спасибо на добром слове.

Я всегда относилась скептически к конкурсам, олимпиадам и прочей формальной показухе. Но принимать участие и занимать призовые места в них лично мне было не трудно. Собственно говоря, для меня это была самая легкая (если не единственная) возможность доставить начальству удовольствие.

– Вот не пойму – растерянно проговорила Ирина Александровна. С одной стороны, вижу, что из тебя, как из учителя, выйдет толк. Но с другой стороны – откуда эта привычка спорить со старшими? Ну где это видано, чтобы молодой специалист говорил директору: «учите мат-часть»...

– Только не говорите, что я вас не предупреждала. Бачили очи, що купували. Тепер не жалуйтесь.

Наверное, высокая оценка «важной комиссии» примирила Ирину Александровну с моими смелыми педагогическими экспериментами. Собственно говоря, наша директор была человеком вспыльчивым, иной раз непредсказуемо взбалмошным – но, в принципе, добродушным. И хотя я еще не раз повергала ее в шок своими «нестандартными методами работы», хотя периодически на мою голову обрушивались гневные сентенции: «откуда ты вообще взялась на мою голову?» или даже «я тебя уволю к такой-то матери!» – в целом мы неплохо поладили.

С коллегами я тоже довольно легко нашла общий язык. Но на этом, думаю, стоит остановиться отдельно.

—

О женском коллективе, особенно о школьном женском коллективе, всегда ходят легенды. Равно как и о женской дружбе. Но я тогда об этом не задумывалась. Моя природная коммуникабельность уже на другой день работы в школе помогла мне обрести компанией друзей – девушек примерно моего возраста. Если основной контингент школы составляли учителя возрастом за сорок – то вокруг себя я быстро собрала клуб тех кому «под тридцать». И старшие коллеги нас стали называть «молодежный клуб» (сокращенно «МК»)

В этом «МК» состояли: учительница английского языка Марина Валерьевна (Маринка), учительница информатики – Наталья Александровна (Натаха), учительница литературы – Ирина Андреевна (Ирка), учительница истории Юлия Владимировна (Юлька).. И у каждого была своя история.

Так, Натаха, например, воспитывала 6-летнего сына одна и находилась в поиске второй половины. При этом она проживала в квартире вместе со своими родителями и беспрестанно с ними ссорилась.

Юлька воспитывала трехлетнего ребенка и находилась в перманентном состоянии войны с мужем, но до развода пока дело не доходило.

Маринка была озабочена устройством своей личной жизни гораздо больше, чем работой. В школу устроилась потому, что «близко к дому» и потому что «надо же где-то работать». Особого рвения к работе она не проявляла, считая, что за такую мизерную зарплату ей должны быть благодарными уже за то, что она переступает порог школы.

Остальные члены нашей компании разделяли ее мнение. Поэтому любимой темой их было «какие ужасные, трудные дети, как они достали, когда уже, наконец, начнутся каникулы!»

Честно говоря, мне это не нравилось. И было неприятно слышать в адрес детей эпитеты «дебилы», «придурки», «недоразвитые». Слишком уж это напоминало мне собственное школьное детство.

И, когда мы с компанией «МК» собирались после уроков в чьей-то подсобке или шли после уроков в кафе, чтобы выпить кофе или чего покрепче – я иной раз испытывала странное ощущение. – Ибо в приятно-непринужденной атмосфере коллеги становились словоохотливыми, и далее на детей (а также на родителей) лился такой поток грязи – после которого лично мне порой хотелось стать под душ.

– Отвратительные дети!

– Не класс – а сборище недоразвитых дебилов!

– Я родителям все триста раз объяснила на собрании – а она звонят, переспрашивают! Они что, умственно отсталые? Что же мы тогда от детей хотим?

– Больные люди! На всю голову больные!

–Ааа, как же они все достали! Скорее бы лето!

Я слушала –и недоумевала. Я, конечно, тоже иной раз уставала от непоседливых учеников. Бывало, что злилась на них. И, в общем, даже не особо этому удивлялась. Считала, что дети –на то и дети, чтобы испытывать терпение взрослых .

–Девчонки, ну вы чего? Это же дети! Не могут же они себя вести себя, как взрослые! А родители – они обычные люди. Со своими слабостями . Так же, как и мы с вами

–Да ну тебя, Осадчая! –отмахивались подруги. – Что ты в самом деле –не даешь нам душу отвести? Считай, что у нас сейчас «пятиминутка ненависти»!

–Все равно. Нельзя так детям относиться. Они ведь все чувствуют .И от этого еще хуже себя вести начинают.

–О боже! Ну ты и зануда! Откуда ты взялась –такая правильная? Небось, в школе круглой отличницей была?

– Отнюдь нет. Я в прошлом –хулиганка-двоечница.

–А, ну тогда понятно, почему ты вечно всех хулиганов в школе защищаешь! По-моему, их родителям уже пора начать оплачивать твои адвокатские услуги.

–Ну уж нет. Детей я буду защищать бесплатно, –смеялась я. – А то обвинителей у них кругом полно, а защищать никто не хочет.

Словом, наши разговоры обычно переводились в шутовское русло, и я перестала воспринимать наезды на детей всерьез. В конце концов, работа у учителей сложная и напряженная, и желание выпустить пар за «рюмочкой чая» -в общем, вполне естественно. Главное, чтобы детей не обижали . А, поскольку я, не имея тогда классного руководства, .не задумывалась о том, как мои коллеги общаются с детьми на уроках –то не придавала особого значения тому, что говорилось на наших «пятиминутках ненависти». Хотя в глубине души удивлялась. Как можно так ненавидеть детей , и главное –зачем тогда идти работать в школу?

Разумеется, в нашей компании кости перемывались не только детям и родителям. Поток красноречия лился и в сторону коллег (ну собственно говоря, на то это и женский коллектив)и в сторону администрации (собственно говоря, на то она и администрация). Тут я от души смеялась вместе со всей компанией. Даже невзирая на тот факт, что к обсуждаемой коллегами администрации относилась и моя собственная мама. Которую мои подруги , молодые учителя, боялись, как огня.

Моя мама, будучи завучем по учебно-воспитательной работе, активно занималась «взращиванием» молодых кадров. Она постоянно спорила с директором, считающим, что учителей надо брать с опытом работы и отзывающимся о выпускниках вуза крайне пренебрежительно. « Разве это учителя? Сами еще дети! Оно нам надо –возиться с ними?» В ответ мама говорила, что «опыт –дело наживное» и охотно «возилась» с начинающими педагогами, всячески опекая и помогая. Подруги мои как раз и были одни из таких «подопечных», недавних выпускниц вуза. При этом доброе, внимательное и участливое отношение к ним мама сочетала с требовательностью (а иной раз и жесткостью) когда дело касалось рабочих вопросов.

–Поймите, девочки, –объясняла она. – Вы не ведь на контейнере детали выпускаете , и не в магазине товар продаете. Вы с детьми работаете! А с детьми халтурить нельзя :они этого не прощают.

Ходили легенды , что некоторым молодым специалистам после месяца совместной работы строгая завуч говорила : «Пиши заявление по собственному желанию –не сработаемся». На самом деле, подобная ситуация возникла единственный раз :–когда выпускница пединститута, приходя на уроки, занималась тем, что красила ногти и листала журнал Cosmopolitan. И был еще нашумевший случай , когда учительница, отвесившая ученику на уроке подзатыльник, была уволена в течение суток: раньше, чем ребенок успел пожаловаться своим родителям.

Почему-то именно эта история приводила моих коллег в особый трепет.

–Ну и за что было увольнять? Хорошая учительница... А этого бы придурка я сама с удовольствием треснула! Нет, ну а что: если родители ему не объяснили, как вести себя нужно –почему мы должны терпеть? Что за мода дурацкая пошла –пальцем ребенка тронуть нельзя?

–Да ну. Ты что, Наталью Викторовну не знаешь? Она на детей даже кричать не разрешает. Вчера мне прямо так и сказала: «У себя дома на мужа можешь орать, если хочешь, а в школе на детей –не смей».

–Что за человек! Вот интересно – у нее свои дети есть?

–Говорят, что есть..

–И что? Неужели она на них никогда не орала и не давала подзатыльников?

–Нет. Никогда! – тут же отреагировала я.

–А ты откуда знаешь?

–Да просто...предположила.

Естественно, подружки не догадывались, что я являлась дочкой грозного завуча. Не то, чтобы я специально скрывала наше родство. Я просто не хотела его афишировать. И искренне развлекалась, слушая жалобные сентенции коллег:

–Я уже Наталье Викторовне планы уроков сдала, а она еще требует конспект открытого урока! Это ж сколько писать придется!

–А ко мне она пришла на урок и говорит: у тебя контакта с детьми нет!

– А мне говорит: у тебя урок не соответствует теме, и время распределено неправильно!

–Вот –вот ! Мне она тоже так говорила И еще: почему у тебя на уроке работают одни и те же ученики? Можно подумать, я виновата, что остальные не хотят работать!

–А меня вчера за незаполненный журнал ругала! А когда мне его заполнять? На уроках –нельзя, а после уроков –когда? Что нам в школе –ночевать, что ли?

Сначала девочки слезно жаловались, потом переходили на шутки. И я смеялась громче всех:

–Ну, а вы что думали? Наталья Викторовна у нас –великий инквизитор!

Но, поскольку тайное всегда становится явным –коллеги вскоре обо всем догадались. Кажется, это произошло, когда, после уроков мы с мамой пили кофе у нее в кабинете и разговаривали о делах семейных- а в это время кто-то из моих подружек зашел сдать календарное планирование.

И на следующее утро наш «МК» окружил меня в учительской.

–Это правда?

–Что именно?

–Ну скажи –правда или нет?

–Что вы ко мне пристали? Какая правда?

–Ну, что Наталья Викторовна –твоя мама... Нам Маринка вчера сказала..

–Ну, да, правда. И дальше что?

–Серьезно?

–Не может быть!

–А мы думали, Маринка прикалывается!

–Неужели правда?

–Тьфу ты, елки! –рассердилась я. – Вам что – делать больше нечего? Или вы – мексиканский сериал собрались снимать о неожиданно найденных детях?

–Ну а почему ты нам об этом не говорила?

–Можно подумать, вы мне говорили, где ваши мамы работают!

–Но так нечестно! Когда мы Наталью Викторовну обсуждали, ты смеялась вместе с нами! А могла бы сказать, что эта твоя мама! И ты ей все пересказывала, что мы говорили?

–Конечно, а вы как думали? Еще и в книжечку записывала. Так что, девочки, ожидайте выговора с занесением в трудовую, и не видать вам премий до нового 2025 года.

Думала, они засмеются. Но коллегам было не смешно. Они ведь думали, что я –своя, а оказалось –«засланный казачок».

Да, и девочки сразу смогли ответить себе на вопрос, почему я в первый же год работы выиграла конкурс «Учитель года». И почему я не стесняюсь спорить с директором. Дочка завуча, куда нам до нее...

И в отношениях наших возник некий холодок –поначалу, впрочем, не особо ощутимый.

Следующий напряженный момент возник, когда методист предложила мне внеочередную аттестацию. Притом сразу на первую категорию.

Как я уже говорила, я равнодушно относилась к формальным показателям успехов в работе. Конкурсы, аттестации, категории. О чем и сказала методисту.

– Зачем мне внеочередная аттестация? Мне и так хорошо. Аттестуйте меня на вторую –как всех.

– У тебя есть все основания для первой категории, –заметила методист, –в «учителе года» у тебя призовое место, на педагогической выставке –тоже. Зачем отказываться? За первую категорию платят больше.

–Да ну...начнут говорить за спиной всякое. Мол, дочка завуча, по благу...

– Ну, а тебе какая печаль? – пожалала плечами методист. – Как говорится: за спиной – могут даже бить.

И то правда.

Для о внеочередной аттестации пришлось дать открытый урок на район. Который, к моему удивлению, произвел ошеломляющее впечатление на представителей роно и учителей окрестных школ.

– Таких эмоциональных и динамичных уроков мы никогда не видели, –восхищались члены комиссии. – И чтобы дети так свободно и не боясь, говорили на английском – мы даже в языковых гимназиях не встречали! .Имейте в виду, –обращались они к директору, – этого учителя конкурентам показывать опасно! Заберут с руками и ногами!

Больше всего радовалась моим успехам Марина Сергеевна.

– Ну надо же! –кричала она, крепко сжимая меня в объятьях. – Ты вообще могла подумать, что из твоей противной девчонки со временем вырастет что-то путевое! –спрашивала она у моей мамы.

–Конечно, –спокойно отвечала мама. – Это ты зачем-то в ней сомневалась.

–Нет, я не сомневалась! Признай, Окунева, ведь это я из тебя человека сделала!

–Признаю. Спасибо Вам, Марина Сергеевна, золотой Вы человек.

–На здоровье! И позволь мне дать тебе совет.

–Какой же?

–Поаккуратней со своими подружками. Женский коллектив –сам по себе страшная сила. Но ты у нас –случай особый.

– Это Вы о чем сейчас?

–Девчонки твои тебе завидуют. Разве ты не видишь? .

–Я об этом не задумывалась. Да и чему завидовать? У меня все –как у всех.

–И все же, мой тебе совет –не пускай их очень близко в свою жизнь. Хотя тебе советы давать бесполезно: ты всегда на собственных ошибках учишься...

Так оно и было: я предпочитала учиться на собственных ошибках. Поэтому, не ожидая подвоха, я продолжала возглавлять наш «МК». Мы по прежнему устраивали посиделки после работы по пятницам в кафе.. По выходным иногда вместе гуляли с детьми в парке. И, поскольку мой дом был всегда открыт для друзей, коллеги частенько заходили ко мне в гости. Иногда приводили и оставляли своих детей, если самим нужно было куда-то отлучиться.

Я считала это вполне естественным. Нормальная взаимовыручка. До тех пор, как... Впрочем, об этом позже.

Теперь я, думаю пришла пора рассказать, о том, как я стала классным руководителем своего первого, незабываемого, любимого класса.

—
Работая в школе, я поначалу не рассматривала вариант с классным руководством. Ответственность казалась слишком большой.. Одно дело –отчитать уроки и с чистой совестью идти домой, а другое –постоянно переживать о том, не натворили ли чего питомцы.

Правда, иногда я вспоминала те годы, когда моя мама работала классным руководителем прежде, чем стать завучем по учебно-воспитательной работе. . Совместные поездки, походы, прогулки, чаепития у нас дома – мама очень любила своих учеников и всегда с удовольствием проводила с ними время. Но свою маму я всегда считала педагогом от Бога. В то время, как сама я попала в школу (как мне думалось тогда) по случайному стечению обстоятельств.

Шел второй год моей работы, когда Ирка, моя подруга, объявила, что отказывается от своего класса- потому что работать с ним невозможно.

–Да что ты , в самом деле? У тебя же пятиклашки. Малыши еще!

–Да? Ты с этими малышами работать пробовала?

–Я вообще-то у них английский веду. Нормальные дети. Прикольные такие.

–Ну раз они тебе так нравятся –может, заберешь их себе? –вспылила Ирка.

–Может, и возьму, -пожала плечами я. Не потому, что так горела желанием занять место классного руководителя несносного класса. Просто мне не понравилась, как Ирка говорила о детях. «Хочешь –забери себе» .Что они, вещи какие-то?

А потом был педсовет, на котором Ирка громогласно заявила, что с этим классом работать не будет. Потому что таких ужасных детей она еще не видела.

–Послушай, – осадил ее моя мама, которой тоже не понравилось, как Ирка говорит о детях. –Ты ведь не в магазин пришла платье выбирать. Что это значит – с этими я буду работать, а с этими не буду?

–То и значит! Там половина детей из неблагополучных семей! Ими дома родители не занимаются –а я должна ? –патетически воскликнула Ирка.

–Ну и что вы предлагаете? –занервничала Ирина Александровна. –Октябрь месяц! Где мы им нового классного руководителя возьмем? Коллеги, кто готов пойти в 5-В классным руководителем?

Воцарилась тишина: в класс, пользовавшийся репутацией «неблагополучного», желающих идти работать не оказалось.

–А давайте жребий кинем? –предложила я. Вспомнила свои школьные годы, как директор предлагал жеребьевку, чтобы выбрать руководителя нашему классу. Тоже 5-В , кстати.

–Не надо жребий! –поднялась с места Марина Сергеевна. – Уступим дорогу молодым энтузиастам. Вот один из них перед нами – Осадчая Мария Александровна!

–Точно! –одобрительно загудели остальные учителя.

– А она справится?– с сомнением спросила директор. –Все-таки опыта нет у человека, а дети сложные.

–Кто не справится? Да она в свои десять лет одноклассников так строила, что любой классный руководитель мог позавидовать!– с жаром воскликнула Марина Сергеевна. –А теперь –сам Бог велел!

– А у меня вы спросили? –поинтересовалась я, придя в себя от изумления.

–А у тебя выбора нет, -пожала плечами директор.

–Что значит – выбора нет? У нас вроде не крепостное право. И на классное руководство я не подписывалась.

–А что так? Ты же рассказываешь про передовые технологии обучения, советуешь другим учить матчасть –вот и покажи себя на практике! –неожиданно зло произнесла Ирка.

–Вот-вот! –подключились Маринка и Натаха.

Мда... подруги.

Тут вмешалась мама:

– Ты, стало быть, тоже, в школу ходишь, как в магазин? – сказала она, пристально глядя на меня. – Этот товар беру, а этот – оставьте себе? Да, дети там не простые – и что теперь, бросать их, что ли?

Неожиданно мне стало стыдно.

– Я не против этих детей, – сказала я. – Просто боюсь не справиться.

– А ты не бойся.

В коридоре после педсовета мы встретились с Мариной Сергеевной.

– Поздравляю, – мрачно сказала я, – Вы все же нашли способ отомстить мне за Ваши загубленные нервные клетки.

– Ну, что, Окунева, я тебе могу сказать, это судьба! – Марина Сергеевна хлопнула меня по плечу. – Тоже 5-В класс. Тоже сложные дети, которых никто не хочет брать. Ничего не напоминает?

– Да уж...

– Зря обижаешься. Ты мне потом спасибо еще скажешь!

– За то, что Вы из меня человека сделали в очередной раз?

– Нет. За детей. Поверь, очень скоро ты полюбишь их, как родных. И они тебя тоже.

– Ладно. Спасибо. Кстати, Марина Сергеевна, я давно хотела задать Вам один вопрос.

– Какой?

– Вот зачем, когда Вы пришли работать в наш класс, знакомство со мной начали с угрозы размазать меня по стенке?

– Ну ты даешь! – изумилась Марина Сергеевна. – До сих пор помнишь, что ли?

– Конечно! – мстительно ответила я. – Я не злопамятная, просто память у меня хорошая.

– На самом деле я хотя и говорила, что хочу работать с трудными подростками – понятия не имела, как с ними работать. – честно призналась моя «классная мамка». – Ну, решила припугнуть... на всякий случай. Да, согласна, это было глупо. Поэтому, ты, когда начнешь с классом работать, таких глупостей не делай. Лучше постарайся с ними подружиться.

Теперь я часто вспоминаю свой первый пятый класс, который стал моей «первой любовью» в школе. Помню наше первое знакомство. Дети к тому времени немного знали меня как учителя английского языка. Но учитель, который приходит к два раза в неделю – одно дело (тем более, преподавала я только у половины класса), а классный руководитель – совсем другое.

Большинство детей встретили меня напряженным взглядом. Некоторые прятали свое волнение за напускной бравадой. Я немедленно вспомнила, как мы в свое время присматривались к Марине Сергеевне и прикидывали, стоит ли ее слушаться.

– А у нас класс- бешеный! – радостно заявил вихрастый паренек, напоминающий мне Петю Васечкина из детского кинофильма

– Это почему же?

– Про нас все говорят, что мы ужасный класс! От нас даже классный руководитель ушла! – гордо похвасталась худенькая девочка с обкусанными ногтями и нервным взглядом.

– И что же вы такого ужасного сделали? Директора зарезали, а завуча убили?

Пятиклассники захихикали, и это разрядило обстановку.

– Нет, ну в самом деле! Я, например, в ваши годы прогуливала уроки либо на крыше, либо в коридоре под кабинетом у завуча. А вам так – слабо?

Дети замолчали и в изумлении уставились на меня. Очевидно, совершать такие подвиги им было «слабо».

– Ну, а чем вы еще можете похвастаться? Хоть раз в кино с уроков сбегали все?

– Нееет, – растерянно произнес вихрастый мальчик, похожий на Васечкина.

–Тоже мне –трудный класс, -небрежно пожала я плечами. – Кстати, насчет кино –как насчет сегодняшнего сеанса?

–Вместо уроков ? –оживились пятиклашки.

–Ага, размечтались. После.

Так началась моя дружба с 5-В классом. Марина Сергеевна оказалась права –через несколько дней я и в самом деле полюбила их, как родных.

Хотя класс и в самом деле был непростым.

Вихрастый Сережка по уровню гиперактивности напоминал мне себя в школьные годы. На уроках он ни секунды не мог сидеть на месте, доводил до белого каления учителей шутками и глупыми вопросами, а на переменах в буквальном смысле разносил школу. Его друг Сашка , спокойный сам по себе, повторял за своим другом все безобразия (наблюдая за ними, я всегда вспоминала тандем Петрова и Васечкина из своего любимого детского фильма). Была еще парочка мальчишек, по степени гиперактивности едва уступавший Сереге , к тому же мастера по мелким пакостям и дразнилкам., Еще парочка тех, которые имели привычку по любому поводу кидаться с кулаками. . Плюс основная часть мальчишек, не особо уравновешенных сами по себе – а с учетом того, что их постоянно подзуживали гиперы и агрессоры, в классе и в самом деле творился полный феерверк.

Что касается девочек, то с ними было, пожалуй, еще сложнее. Если мальчики, в большинстве, были открытыми и готовыми идти на контакт, то .самое безобидное, что мне доводилось слышать первое время от девочек – это бурчание «все нормально». Либо и вовсе – «Не трогайте меня», «Что вы ко мне пристали», «это вообще не ваше дело».

Всех учеников я мысленно разделила на три группы: солнечные зайчики , «колючие ежики» и «улитки в раковине» .

С «солнечными» зайчиками –открытыми и веселыми – общий язык, разумеется, было найти легче всего. Хотя многие из них как раз являлись злостными нарушителями дисциплины (как вихрастый Серега) – у меня такие дети всегда вызывали улыбку. И разговаривая с ними, мне обычно стоило большого труда сделать строгое лицо и не рассмеяться, узнав об их проделках.

С «колючими ежиками» тоже, в общем, было не особо сложно –достаточно их было погладить по «колючкам». И, в общем, я прекрасно понимала таких детей – вспоминая собственное хамское поведение в школьном детстве. На меня нападали –я защищалась.

– Алина, что у тебя сегодня произошло на уроке истории? –

– А это не Ваше дело! Отстаньте! –Алина вызывающе посмотрела на меня.

– Послушай, – миролюбиво ответила я. – Зачем ты мне так отвечаешь? Я ведь нормально с тобой разговариваю.

Алина удивленно уставилась на меня.

–В конце –концов, если у тебя возникла проблема с учителем –могла бы сама мне рассказать. Вместе бы придумали что-нибудь. Ведь из любой ситуации можно найти выход.

– Я думала, Вы будете меня ругать, -призналась Алина.

– Зачем?

– Ну...думала, скажете, что я во всем виновата.

– С виноватыми пусть уголовный кодекс разбирается .

Алина снова удивленно посмотрела на меня -а затем доверчиво улыбнулась, на глазах превращаясь в «солнечного зайчика». От колючего, хамоватого подростка –не осталось и следа.

Сложнее всего было –«с улитками в раковине». Теми детьми , которые на любой вопрос отвечали равнодушным «да все нормально»– хотя было видно, что «нормально» и рядом с ними не стояло. Вот достучаться до таких учеников, достать из панциря (так, чтобы они закрылись еще глубже) было поистине ювелирной работой.

– Аня, что с тобой происходит?

–Ничего...все нормально...

– В смысле –нормально? Учителя говорят, что ты на уроках ничего не делаешь, посторонними делами все время занимаешься.

В ответ – молчание. Напряженный взгляд. Сейчас запрячется в свою раковину еще глубже.

–Может быть, тебе сложно? –предположила я. – Помощь нужна?

–Да нет...Все нормально..

Смотрю на Аню –и понимаю, что об уроках дальше разговаривать бесполезно.

–Ну ладно...проехали. Лучше о себе что –нибудь расскажи. А то мы толком еще не познакомились.

–А что рассказывать?

–Например- чем увлекаешься? Что любишь в свободное время делать?

– Ничего, -Аня небрежно повела плечом.

–Не может такого быть. Неужели даже в компьютерные игры не играешь?

–Играю...

–А какая игра –твоя любимая?

–Ну...майнкрафт...– девочка, наконец, подняла на меня глаза.

–Классно. Сама в майнкрафт играть люблю.

На самом деле это было неправдой. Тем не менее, моих знаний о данной игре (почерпнутых из бесед с учениками) вполне хватило, чтобы поддержать разговор –во время которого Аня заметно ожила.

– А музыку любишь слушать? Какую?

Через какое-то время наша беседа приобрела непринужденный, почти дружеский оттенок.

–Так все же, Анют –что там у тебя с математикой? Я могу помочь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.